

Завгородняя
Анна

Ведьмино
НАСЛЕДСТВО

Анна Александровна Завгородняя

Ведьмино Наследство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69785533

0101

Аннотация

Хорошо иметь домик в деревне...думала я, направляясь к новому пристанищу, полученному в наследство от старой бабушки. Домик появился в моей жизни очень вовремя. Только, радуясь новому приобретению, даже представить не могла, что к домику прилагаются ведьмовской дар, наглая домовиха, она же черная кошка Маруся, и противный колдун-сосед в придачу. Ну и пусть, что красавец. Ну и пусть, что молодой. Зато характер у него скверный. А еще, он отчего-то не очень рад моему соседству. Разберемся.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	24
Глава 3.	45
Глава 4.	66
Глава 5.	81
Глава 6.	106
Глава 7.	125
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Ведьмино Наследство

Автор: Анна Завгородняя

Глава 1.

«Хорошо иметь домик в деревне!» – думала я, направляясь к новому пристанищу, неожиданно полученному в наследство. Старый автобус, еще помнивший Советский Союз и годы Перестройки, уныло отсчитывал колдобины на еще более древнем асфальте проселочной дороги, увозя меня прочь от цивилизации и ее благ.

Сидя на облезлом сидении, обхватив руками тощую сумочку, таившую в своих глубинах телефон, кошелек и документы на новые владения, я пыталась не поддаваться тряске и старательно любовалась на мелькавший за окном пейзаж сельской местности, пришедший на смену лесополосе. Хотела отвлечься, но получалось плохо, особенно когда, подпрыгивая в очередной раз на ухабе со второй сумкой, зажатой между ног, больно ударялась пятой точкой о сиденье, твердое, как гранит.

Куда ни глянь вдаль тянулись поля. Где-то далеко, за пару-тройку километров в сторону от дороги, маячил темный лес. Густой и наводивший на мысль о домике бабы Яги и болотах водяного. К слову, болота здесь и правда были. Я смут-

но помнила об этом, как и о своем приезде, состоявшемся несколько лет назад, в деревеньку с искрометным названием Северные Ложечки. Еще хуже помнила бабушку, приходившуюся родной сестрой матери моего отца.

Старушка была вредная и одинокая. Мы побывали у нее всего однажды, когда мне исполнилось восемь. И с тех пор не общались. Ни я, ни отец. Одного раза и впечатлений хватило надолго.

И вот, словно гром среди ясного неба, это наследство. Домик в деревне, появившийся так кстати и так вовремя, но что и говорить, очень неожиданно.

Нет, жить там я не собиралась. Девочка я городская, люблю интернет и удобства. Так что ехала я в эти Ложечки с целью посмотреть наследство, оценить домишко, пожить там с неделю-другую, а потом продать этот подарок судьбы хоть кому-то и за какие-то деньги.

Вместе со мной в автобусе ехало несколько бабулек, то и дело бросавших в мою сторону любопытные взгляды. Одна старушка, с лицом, сморщенным, как моченое яблоко, везла козу, и всю дорогу от остановки, держала рогатую обеими руками, сетуя на тряску. И бабка, и коза, обе смотрели на меня с удивлением, особенно выделяя мои ноги, или точнее, туфли на каблуке.

Да я и сама уже была не рада, что надела их. Но, слава богу, в сумке были кроссовки. Так что сразу по приезде в Ложечки, едва сойду с автобуса, переобуюсь в более удобную

для этих мест обувку.

Ехать пришлось долго. К тому времени, когда автобус привез меня в пункт назначения, сошли все старушки, и я тряслась в гордом одиночестве, уже не любуясь видами, а мечтая, чтобы дорога закончилась.

И вот мечта сбылась.

Остановка в деревеньке состояла из навеса и деревянной лавки. Сгрузившись, посмотрела вслед отъехавшему «пазика», затем села на лавку и зарылась в сумку, извлекая на свет божий кроссовки. Быстро переобулась, сунув туфли в пакет, и закинув сумочку через плечо, встала и посмотрела на деревню.

Что и говорить, Ложечки меня не поразили. За столько лет здесь, полагаю, мало что изменилось.

Одна единственная улица вела меж домов, часть из которых оказались заколоченными. Еще часть выглядели так, словно их давно было пора не то что заколотить, но снести врагам назло. Но встретились и несколько вполне приличных, с белеными стенами и резными ставнями на окнах.

Шагая вперед и волоча за собой сумку на колесиках, глядела в поисках нужной таблички с номером дома. Как назло, не встретила ни единой живой души. Зато меня пару раз облаяли собаки, а один раз дорогу перебежала стая гусей или уток. Вот точно сказать не могу, так как не разбираюсь в этом.

Солнце палило нещадно. Я плелась, вертя головой и дер-

жа в памяти номер дома, такой же унылый, как и деревня.

Тринадцать. Да. Именно тринадцать. Зато не пропустишь. Но нумерация в этих Ложечках была странной. Не то, что в городе. С одной стороны встречались дома и с четными, и с нечетными цифрами, ломавшими привычную нумерацию улиц. А потом мне повезло.

Старика заметила, когда выходил за калитку. Седой, высокий, в теплом кожухе, и это несмотря на жару, дед старательно забивал табаком трубку и явно собирался присесть на лавку, стоявшую у забора. Завидев меня, он удивленно приподнял седые брови, но дело свое не оставил. Я же, вдохновленная первым жителем Ложечек, рванула вперед, чтобы расспросить о доме номер тринадцать.

– Дедушка, добрый день! – произнесла с улыбкой, встав рядом.

Меня смерили взглядом, затем кивнули.

– Добрый, – последовал ответ.

– Не подскажите, где здесь дом номер тринадцать? – спросила я.

Очередной взгляд показался мне более внимательным и любопытным.

– А тебе зачем?

– Так я приехала в наследство вступать, – сообщила старику. – Серафима Геннадьевна была моей родственницей.

– Вот, значит, как? – он принялся раскуривать трубку. – Значит, внучка? – предположил, а сам посмотрел как-то по-

дозрительно, словно и не рад был моему появлению в Ложечках.

– Почти, – не стала вдаваться в подробности.

– Ну, пойдем, проведу, – он тяжело поднялся на ноги. – Покажу, что да где.

– Буду вам очень признательна! – я снова взялась за ручку сумки, и мы пошли. Дед впереди, я за ним следом, словно хвостик.

– Меня, к слову, дедом Степаном кличут! – не оборачиваясь, представился старик. – Степан Игнатьевич.

– Василиса, – ответила я.

Тут он все же оглянулся. Видимо, на имя отреагировал. Впрочем, не он первый. Это отец так меня назвал. Не подумал, как дочь потом жить будет с подобным именем. В школе меня дразнили, в институте тоже. Ну, глупых людей всегда хватало. А вот друзья называли меня Лиса. В отличие от отца, который вечно «Васькал» будто я не девушка, а кот.

– Хорошее имя, – между тем сказал дед Степан. – Редкое. У нас даже в деревне такие из моды вышли. Да и молодежи осталось мало.

Я кивнула, про себя удивившись тому, что в Ложечках, оказывается, есть эта самая молодежь! Но ни слова не сказала, решив, что скоро и так все узнаю сама.

Мы продолжили путь. Как оказалось, мой дом был самым крайним в деревне. Считаю, на отшибе.

Небольшой огородик, сад и за деревьями удивительно

крепкий, ухоженный дом, вид которого, признаюсь, приподнял мне настроение.

– Только ключи у Николаича взять надо. Сима ему их отдала на хранение. Это я точно знаю, – заявил мой провожатый.

– Николаевич? – уточнила я. – А кто это? – а сама уже представила себе еще одного старичка с трубкой и в кожаном.

– Да вот его дом. Соседний, – указал на строение через дорогу мой провожатый.

Я перевела взгляд и увидела добротный дом в два этажа. С верандой, каменным, но невысоким, забором, дорожками, посыпанными гравием, и машиной-внедорожником, стоявшей под тентом. И как-то от увиденного образ добродушного старичка в телогрейке плавно сменился на образ молодого и довольно упитанного мужичка. При этом, не сомневаюсь, он был крайне хозяйственным и педантичным. Слишком уж ухоженным выглядели и дом, и двор. Даже пара кур, пробежавших по дорожке с квохтаньем, выглядели опрятно и чистенько.

– Пойдем, Вася, – сказал дед Степан и толкнул резную калитку во двор, после чего, едва ступив на дорожку, заголосил: – Николаич! А, Николаич! Ты дома?

Я протиснулась следом. Оставила сумку у забора и стала ждать, кто выйдет из дома.

– Машина здесь, значит, должен и хозяин быть тут, – обернулся ко мне старик, после чего дыхнул в лицо табаком и

улыбнулся.

– Серафима Геннадьевна доверяла этому человеку? – зачем-то спросила я.

– А как же. Мы тут ему все доверяем. Но я рад, что ты приехала, – непонятно ответил старик. – А то Николаич сам уже не справляется. Он-то не по тем делам мастер.

– Не поняла? – проговорила, вскинув брови. Что несет этот старик? И почему это он мне рад?

Ответа не последовало. Так как на крыльцо из дома вышел тот самый Николаевич.

Я только подняла глаза, как застыла в удивлении. Мужчина оказался совсем молодым. Лет тридцать с небольшим. Зато приметный такой дядька. Крупный, с широкими плечами и богатырским ростом. Он был одет в потертые джинсы и белоснежную майку, так не вязавшуюся с образом деревенского богатыря.

Совсем не вязался с современным нарядом и образ самого мужичка. Лохматый, заросший, с усами и бородищей, он сурово взглянул на нас со Степаном и спустился вниз, шагая тяжело и недовольно.

– Что уже произошло? – спросил он, а сам зыркнул на меня, да так, что на миг показалось, будто меня отрентгенили и отсканировали этими глазами, темными, как два глубоких омуты. Сглотнув, сипло произнесла:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, – передразнил он.

– Да вот, Николаич, это внучка Симы пожаловала вступать в наследство, – пыхнул трубкой старик, ничуть не обиженный на хмурый взгляд и неприветливый тон хозяина дома. – Так что, оставляю ее на тебя. Сима-то тебе поручила наследников приветить. Вот и привечай. А я пошел. У меня еще дел по горло.

«Ага! – подумала я. – Наверное, на лавке сидеть и в небо пыхтеть, вот и все его дела», – но вслух произнесла: – Спасибо, что проводили, дед Степан.

– Бывай, – он вышел, хлопнув калиткой и я осталась наедине с бугайной, от одного вида которого тряслись поджилки.

– Добрыня, – он протянул широкую ладонь, а я со страху возьми да ляпни:

– Никитич?

Ага. Глаза здоровяка потемнели. Шутка не удалась.

– Волков Добрыня Николаевич! – он поймал мою тонкую руку и сжал так, что я пискнула. Хватка у дядьки поистине оказалась медвежьей. Впрочем, он и сам мне напомнил медведя.

– Василиса... – начала было я, когда Николаевич усмехнулся и прежде, чем успела назвать фамилию, выдал:

– Прекрасная или Премудрая? – а сам глядит так насмешливо, что я поспешила руку высвободить из плена его лапищи.

– А я два в одном, – нашлась с ответом. – Родители по-

старались.

Добрыня хмыкнул.

— Ну, тогда покажите ваши документы, Василиса Прекрасная, — произнес здоровяк и кивнул на дом. — Зайдете? Там будет удобно.

— Нет, спасибо, — я открыла сумочку и достала все необходимое, после чего протянула документы Николаевичу. Он документы сгреб. Открыл и принялся изучать, в то время как я принялась рассматривать его лицо.

Впрочем, под такой бородищей, разросшейся обильно по физиономии соседа, мало что разглядишь. Черты лица показались крупными. Да и он сам был какой-то массивный, на вид неловкий, как и все подобные люди. Но я разглядела.

Добрыня оказался вполне симпатичным мужчиной. Прикинув в уме, каким он станет, если сбрить все это безобразие с его лица, вдруг поняла, что возможно, этот тип тот еще красавчик. И глаза выразительные, и черты, хоть крупные, но не портят общий вид. Сам он весь был ладный. Под простой одеждой красовались литые мышцы и ни единого грамма лишнего жира.

— Пойдемте, покажу владения, — мне вернули бумаги. — Только сначала возьму ключ от вашего дома.

Он вернулся быстрее, чем я положила бумаги в сумочку. Вскинула голову, а он тут, как тут. Стоит, возвышается, словно скала. В руке зажат ключ.

— Пойдемте, — повторил бородатый и мы двинулись прочь

с его двора на дорогу.

Добрыня отпер калитку, запертую на простой засов, толкнул ее в сторону и пропустил меня вперед, как настоящий джентльмен.

Улыбнувшись, ступила за калитку и, почти сразу, еще не сделав даже шаг в направлении дома, взвизгнула, когда под ноги метнулось что-то большое и черное.

– А!

Наверное, мой вопль услышала вся деревня. Но провожатый детина не торопился прийти на помощь девице в беде. Вместо этого он спокойно наклонился и поднял с земли то самое черное и живое. Кота или кошку. Так сразу и не поймешь, не заглянув под хвост. Живность оказалась здоровенной, размером с немаленькую собачку.

– Это Маруся, – представил мне кошку Добрыня. – Она принадлежала бабе Симе. Теперь она ваша, – а сам почему-то так насмешливо зыркнул, что я невольно свела брови и воззрилась на Марусю.

– Это чем же ее бабушка кормила? – подумала, только мгновение спустя сообразив, что высказала мысли вслух.

– Маруся из крупных кошек, – Добрыня почесал зверище за ухом. Кошка посмотрела на меня вполне осознанно. Вот как Николаевич несколько минут назад, отсканировав и отрентгенив меня. Даже холодок прошел по спине.

Зверь оказался очень крупным. С желтыми зеркалами глаз, короткошерстный и явно неласковый. Не было в ней

того, что я привыкла видеть в кошках. И на ласку соседа она почти не отреагировала. Сидит на его руках и смотрит, пристально так, не по-кошачьи, словно изучает. Брр...

– Очень, вижу, крупная. Мне ее не прокормить, – пошутила. В голове мелькнула мысль погладить кошку, но отчего-то передумала. Слишком уж недобро киса таращится.

– Прокормите, – Волков опустил Марусю на землю. Кошка и не подумала куда-то убежать. Села, обвила тельце хвостиком, запрокинула крупную голову и продолжила сканирование. – Маруся хорошая охотница. Мышей и крыс в доме нет. Она следит.

– Это хорошо, – произнесла я. – Но давайте посмотрим дом, – предложила и Добрыня согласно кивнул.

Мы пересекли ухоженный двор с политыми цветочками и небольшим уголком съедобной зелени. Волков первым поднялся к двери, кошка за ним. Но почему-то отпирать дверь не спешил. Дождался меня и протянул на раскрытой ладони ключ.

– Вы хозяйка, вам и отпирать, – заявил.

Ну я и отперла.

Внутри, в отличие от двора, было не убрано. Нет, все, казалось, лежало на своих местах, никакого бардака, только воздух был тяжелый, требовавший немедленной вентиляции помещения.

Оглядевшись, поспешила к окну, а Добрыня, вошедший следом, продемонстрировал мне радости цивилизации,

включив свет и выключив его.

– Электричество у нас есть. И водопровод, – порадовал меня Волков.

– Отлично! – я провозилась с окном, но когда распахнула его, улыбнулась свежему воздуху, ворвавшемуся в помещение. Про себя же подумала, что так дом будет проще продать. Ведь мало кто захочет жить там, где по вечерам нужно разжигать свечи и постоянно таскать из колодца воду.

Приободренная открытием, развернулась и посмотрела на комнату, открывшуюся взору. Теперь, когда воздух стал не таким сжатым и пыльным, дышать стало веселее.

Наглая кошка с видом истинной хозяйки прошла вперед и устроилась на нижней ступеньке лестницы, ведущей на второй этаж, где, по всей видимости, находилась комнатка или чердак. Маруся принялась ловить блох, а я прошлась, осматриваясь.

Что и говорить, когда приберусь и смету пыль, то внутри будет очень даже ничего. Мебель, конечно, старая, но кажется, еще довольно крепкая. Отдам ее вместе с домом. А там пусть новый хозяин разбирается, на слом, или оставить в хозяйстве.

Подняв руку, провела пальцем по слою пыли на серванте, остановила взгляд на старом фото хозяйки дома. Застыла, вспоминая знакомое лицо.

– Как она умерла? – спросила зачем-то. – Болела, или по старости?

– Время пришло, – как-то отстраненно ответил Добрыня. – В общем, вы тут осваивайтесь, а я пойду. У меня еще дел невпроворот. Если что понадобится, обращайтесь. А так, что могу сказать, дом хороший, крепкий, добротный. Бабка Сима за ним ухаживала. Держала в порядке. После ее смерти я присматривал как мог. Все, что вам придется здесь делать, это жить и за порядком следить.

– Мяу! – подтвердила слова Волкова Маруся, наконец, перестав заниматься ловлей блох.

Я покосилась на нее. На миг показалось, что кошка... нет, ну почти точно! Что кошка улыбнулась!

Я даже моргнула, но когда снова посмотрела на Марусю, та уже вылизывала черный бок и больше не проявляла ко мне интереса, занявшись собственной красотой.

– А не подскажите, никому дом из деревенских не нужен? – спросила, успев до того, как бородач откланялся. Волков даже застыл и на меня поглядел своим странным, капельку жутким, взором.

– Хочу продать его, – продолжила я. – Вам, как соседу, предлагаю первому. Вы мужчина молодой, вдруг женитесь и решите расширяться. А тут все под боком, можно сказать, под рукой.

Волков несколько секунд молчал. Затем усмехнулся криво и заявил:

– Очень сомневаюсь, что вы захотите продавать дом, Василиса. – Сказал так уверенно, что я удивилась.

– Поживете и поймете сами, какой это, – он прочистил горло, явно, чтобы подчеркнуть паузу, – какой это замечательный дом, – и шагнув к двери, добавил, – скоро сами все поймете, – повторился и был таков.

Не знаю, почему, но едва за мужчиной закрылась дверь, метнулась к окну и проводила взглядом крепкого бородача, глядя, как он быстро пересек двор и вышел за калитку. При этом Добрыня оглянулся и безошибочно поймал мой взгляд. Но никак не отреагировав пошел дальше, а я отпрянула назад в дом, чувствуя некоторую недосказанность, повисшую в воздухе.

– Мяу! – заключила Маруся и спрыгнула со ступеньки, подошла ко мне и присев, уставилась немигающими желтыми тарелками глазищ.

– Мяу! – передразнила кошку, как мне показалось, удачно.

Тут Маруся прищурила глаза и фыркнула. Могу поклясться, в этом фыркание было нечто насмешливое, словно она прекрасно все понимала.

– Так, – проговорила я. – Надо осмотреться и разобраться сумку. Все же, несколько дней придется пожить в этом доме.

Я планировала прибраться и сделать несколько фото, чтобы потом, выставив дом на продажу, было что показать потенциальным покупателям. А значит, стоит засучить рукава и начать действовать, если не хочу задержаться дольше положенного срока.

Не то, чтобы меня очень ждали дома. Более того, я была рада этой поездке и на это были свои причины. О том, что я уехала, знали только домашние. И им строго-настрого было приказано ни под каким предлогом не раскрывать местоположения дочери одному определенному индивиду.

Пусть помучается без меня недельку. Может, поймет, каково это, вот так пропадать без предупреждений, и поволнуется, как волновалась я.

Вдохновленная такими мыслями, пошла бродить по дому в поисках спальни, или чего-то, ее заменяющего.

Дом порадовал. Действительно, как и сказал Волков, здание оказалось крепким. Внутри стены обиты деревом, был камин, к слову, вычищенный от золы и готовый запылать в холодную зиму. Я также нашла кухню с водопроводом и маленькую спальню, где стояли кровать, стол и шкаф для вещей. Что самое удивительное, все было в идеальном порядке, ну, не считая слоя пыли. Создавалось ощущение, что хозяйка прибрала и вышла, чтобы вскоре вернуться.

Все вещи в порядке. Ничего не разбросано. В мойке не наблюдалось посуды. Плита идеально вычищена и к ней подключен газовый баллон, который я нашла здесь же, спрятанный в странного вида шкафчик. Стоило открыть дверцу и вот он, с вентилем и прочим, как полагается.

Отыскав спички, попробовала баллон в работе, и порадовалась, когда синий огонек вспыхнул. Значит, проблем с

чаем и завтраком у меня не будет. В сумке у меня лежала банка с кофе и упаковка чая. А еще, к ним в придачу, два шоколадных батончика.

Нашла я и холодильник. Рискнув, открыла. Внутри оказалось также идеально чисто. Только тряпкой пройдишь и включай в розетку.

К слову, наличие электричества в Богом забытых Ложечках, порадовало сильнее всего. И я даже понадеялась, что здесь найдется и интернет, но телефон ничего не ловил, молчал, как партизан.

Все то время, пока я исследовала дом, черная обитательница Маруся ходила за мной словно по пятам. То и дело, бросая взгляд через плечо, видела, как она следует на расстоянии, глядя своими глазищами. Даже немного жутко стало. Создавалось ощущение, что животинка следит за мной. Вроде кошка, как кошка, а от ее взгляда по спине мурашки.

Несколько раз сделала попытку подойти к Марусе ближе, чтобы погладить, но мохнатая хозяйка ускользала от руки и ласки, словно дикарка. И в итоге я оставила это дело, решив сосредоточиться полностью на изучении дома.

Побродив по нему еще с полчаса, вернулась в гостиную, туда, где оставила вещи, решив перетащить сумку в спальню. Кровать в доме была всего одна. Ну и пусть, что бабушка спала на ней. Думать о том, что старая Серафима почилла в спальне, не хотелось. Как и спать на полу. Поэтому, решив для себя, что, словно известная героиня не менее известной

книги, я подумаю об этом завтра, уверенно потащила сумку в сторону спальни.

– Мяу! – раздалось за спиной, когда я уже было открыла сумку, решив вытащить ее содержимое на свет божий.

Повернув голову на звук, увидела, что кошка стоит на пороге и таращится на меня. Но на этот раз ее взгляд был каким-то другим. Он изменился.

– Что? – спросила я Марусю, чувствуя себя немного не в своем уме. Надо же, разговариваю с кошкой, да еще и смотрю на нее так, будто она сейчас ответит что-то более вразумительное, чем ее пресловутое «мяу».

Кошка потерлась спиной о дверной косяк и повторила свое противное: «Мяу!» – а затем проворно выпрыгнула из комнаты и оглянулась, будто проверяя, смотрю ли я на нее.

А я смотрела. Чувствуя себя при этом немного странно.

– Мяу! – уже как-то резко повторила животинка и пошла дальше, но сделав несколько шагов, снова оглянулась. Могу поклясться чем угодно, что в тот момент в ее взгляде было удивление и вопрос: почему ты, человечина, не идешь за мной? Я же зову?

«Человечина» почесала нос и было продолжила заниматься своими делами, когда Маруся мявкнула так, что стало понятно – она совершенно точно зовет меня за собой.

Я даже села, уставившись на мохнатую хозяйку. И тут кошка кивнула. Вот честное слово, взяла и кинула, как человек, и бодро пробежала вперед еще с несколько кошачьих

шагов.

Ощущая себя как минимум глупо, поднялась и последовала за ней уже мысленно смеясь над собой.

Нет, мне определенно надо выпить кофе. Это волнение и усталость сказываются, раз мне мерещится, что какая-то там кошка пытается что-то показать. И все же, я пошла за ней.

Маруся даже подпрыгнула, аки козочка, явно довольная происходящим, а затем шмыгнула на лестницу и бодренько так затрусила на чердак, остановившись только перед дверью. Я остановилась внизу, подумав про себя, что там, наверху, как раз побывать не успела. Планировала сделать это позже, но кошка явно пыталась заманить меня туда.

Маруся уселась на верхней ступеньке, обвила хвостом лапы и принялась ждать, глядя так пристально, что я мысленно махнула рукой на собственное безумие и начала подъем.

«Хорошо, – подумала про себя, – если ей так хочется, я зайду туда и посмотрю, что творится на чердаке!».

Кошка, словно прочитав мои мысли, замурчала, будто заведенный трактор. А у меня отчего-то руки затряслись, пока тянулась к дверной ручке.

Ощущение чего-то необратимого, надвигающегося как неизбежность, наполнило сердце. Вот если по уму, мне бы плюнуть на этот чердак, и вернуться вниз, но кошка урчит, будто пытается загипнотизировать. И рука тянется, чтобы вцепиться в дверную ручку.

Мотнув головой, прогнала наваждение. Право слово, что

это со мной? Думаю о каких-то глупостях. А ведь это просто дом и просто чердак! А у ног моих сидит самая простая, ну разве что излишне крупная, кошка. Так чего я оторопела?

Решившись, потянула дверь на себя и застыла, сообразив, что она, эта самая дверь, открываться не желает. Ну ни в какую.

– Хм, – произнесла с чувством.

– Мяу! – поддержала меня черная кошка. И этим своим звуком она явно что-то пыталась сказать. Я подергала дверь еще немного, прежде чем сообразила, что она открывается вовнутрь.

Глупо хихикнув, толкнула дверь о себя и с тихим скрипом последняя, наконец, сдалась. Кошка перестала мурчать и на меня свалилась полная тишина. Переступая порог, вдруг осознала, что мир будто замер. Все звуки исчезли, и даже собственные шаги ощущались, словно ступала по вате. Я не слышала ничего. И только в груди гулко и тяжело ударилось сердце.

Я сделала несколько шагов в темноту. Слепо выставив вперед руки, принялась искать выключатель на стене, решив, что если внизу в доме есть электричество, то, скорее всего, оно должно быть и здесь.

На чердаке царила тьма и холод. Такой ледяной, будто я прошла из лета в зиму. Вздвогнув, увидела краем глаза, как сбоку мелькнуло что-то яркое, голубое. С губ со вздохом, сорвался пар и тут тишину разорвал жуткий хлопок. Звуки

вернулись. Очень не вовремя!

Я подпрыгнула на месте, круто развернувшись для того, чтобы успеть увидеть закрывшуюся дверь, когда об меня что-то ударилось. С тихим воем, леденящим кровь. Ударилось так, что я отлетела в темноту, а падая, приложилась затылком о деревянный пол, не отличавшийся приятной мягкостью.

Перед глазами заплескали голубые искры, а затем все погасло и мир поглотила тьма.

Глава 2.

Не знаю, сколько пролежала вот так на чердаке. Но, когда очнулась, оказалось, что помещение залито светом. Рядом со мной, с важным видом, восседала Маруся. На этот раз кошеница молчала, но смотрела по-прежнему внимательно и изучающе.

– Блин! – выдала я и села. Вскинув руку, потрогала затылок, проверяя наличие шишки. Но нет. С головой оказалось все в порядке. Шишки не было и ничего не болело, что само по себе уже было удивительно.

Подняв взгляд, обвела глазами помещение. На этот раз в нем не было никакой тьмы и холода. В круглое окно светило солнце и этого света вполне хватало, чтобы разглядеть убранство чердачного помещения, к слову, оказавшееся достаточно просторным.

Здесь была целая комната. С мебелью, какими-то сундуками, да, да, именно сундуками, как из сказки. Одна из стен была занята под веревки, на которых висели печальные сушеные букеты и травы. Несколько полок были уставлены темными бутылками из-под пива, но запечатанными странными пробками. На этикетках, поверх, были наклеены какие-то бумажки, но со своего места на полу разглядеть написанное не представлялось возможности. А значит, пора вставать.

Тут я перевела взгляд на Марусю. Неожиданно вспомнив, что когда дверь захлопнулась (видимо, из-за сквозняка!), кошка совершенно точно была на лестнице. Теперь же черный комочек с глазищами сидел рядом.

– Ты как сюда попала? – спросила я, не надеясь услышать ответ. Про себя успела подумать, что кошка отлично знает дом и, видимо, для нее здесь хватает лазов. Ведь не могла она открыть дверь и войти на чердак?

Как и следовало ожидать, Маруся промолчала. А я встала, отряхнув джинсы на попе, и вздохнув, подошла к столу, стоявшему ровно посередине помещения. В глаза сразу бросилась странная и очень толстая книга. Таким место в библиотеках, а не на чердаке.

Книга была огромной и занимала почти половину стола. Приблизившись, отметила, что переплет похож на кожу, правда, очень старую и потертую. Вместо названия и имени автора на книге красовался странный знак, похожий на древнюю руну, или что-то подобное. Он был выпуклым и явно сделанным из металла.

– Это еще что за чтиво? – пробормотала, чувствуя возрастающий интерес. Отчего-то захотелось коснуться фолианта. Провести пальцами по протертому корешку, обвести непонятный символ.

«Эта книженция явно старая!» – мелькнула радостная мысль в голове. Кажется, книга может стоить больше, чем весь дом и прилегающий к нему участок. Неужели мне повез-

лю? Если за дом выручить много не получится, то эту книгу я заберу с собой и покажу знающим людям. Вдруг она очень древняя и дорогая?

Вдруг она этакий артефакт древности. Ведь если судить по переплету, то книге очень много лет. Но, интересно, что же внутри у этого фолианта?

Не удержавшись, все же, провела пальцем по руне. Что-то больно царапнуло кожу и я, вскрикнув, отдернула руку. На указательном пальце выступила алая капля. Тотчас сунув палец в рот, негодующе посмотрела на книгу.

– Ах ты! – прорычала в сердцах. – Еще и царапаешься, – а сама наклонилась ниже, чтобы разглядеть, за что такое острое поранила подушечку пальца. Вот только снова была вынуждена отпрянуть назад, потому что книга, бог ведает, как, вдруг распахнулась.

На миг даже показалось, что от страниц полыхнуло голубоватым свечением, но стоило моргнуть, как наваждение пропало.

– Там внутри какая-то пружина, – сообразила я, пробор-мотав фразу вслух.

Маруся, с легкостью, несвойственной столь упитанному созданию, вдруг запрыгнула на стол и уселась на самом краешке, продолжая таращиться на меня своими зеньками.

– А ну, кыш от книги! – я подхватила увесистую тушку мохнатой нахалки и вернула ее на пол, где ей было и место. Не дело кошкам по столам шастать, да еще и в близости от

подобных книг.

Маруся фыркнула, явно недовольная моим самоуправством, но больше не делала попыток забраться на стол. Я же склонилась над пожелтевшими листьями книги и посмотрела на странные письма, испещрявшие титульный лист.

Что и говорить, прочитав ни одного слова не смогла. Закорючки казались непонятными. Здесь встречались и руны, и какие-то странные символы, и даже буквы, похожие на латиницу. Только все равно, для меня они оставались загадкой.

– Хм, – веско изрекла я и перелистнула страницу. Но на следующей продолжались те же непонятные знаки. Зато несколько страниц спустя обнаружила странный рисунок, который, отчего-то, немного меня напугал.

На картинке было изображено какое-то чудо чудное, с клыками и хвостом. При этом изображение было очень четким и художественным. И, как и письма, нарисовано от руки.

– Хм, – повторив, пролистала книгу и обнаружила еще подобные рисунки. Все они изображали чудищ и каких-то зверей, которых в природе просто не могло существовать. Разве что в жутких сказках.

– Ничего не понятно, – закрыв книгу, сказала я.

– Мяу, – как-то насмешливо высказалась кошка.

– Но книга старая и, скорее всего, дорогая. Так что, – я похлопала рукой по руне на обложке, – она найдет своего покупателя.

Услышав эти слова, Маруся вдруг зашипела. Удивленно опустив глаза, увидела, что обитательница дома выгнула спину, словно собиралась наброситься на меня.

– А ты не шипи, – я погрозила нахалке пальцем. – И вообще, иди живи к своему Добрыне. У вас, кажется, полное взаимопонимание. Все равно дом я продам.

Кошка зашипела яростнее, словно понимала каждое мое слово.

– А если будешь и дальше вести себя так негостеприимно, то отправишься ночевать на улицу без ужина, – продолжила я и осеклась.

Ужин. Да, конечно! Мне же нужно будет что-то поесть, да и Марусю надо покормить. А в деревне, наверняка, есть магазин. По крайней мере, стоит отправиться на разведку, пока не наступил вечер. Очень сомневаюсь, что местные продуктовые работают допоздна. А значит, отложу на потом изучение чердака, потому как мне не помешают свежий хлеб, молоко и кошачий корм, который можно заменить на сосиски или колбасу.

Я еще раз погрозила Марусе и вышла, закрыв за собой дверь. Про себя решив, что раз кошка каким-то образом сумела войти на чердак, значит, и выйти сможет. Заодно проверю свои догадки. В любом случае, загляну сюда попозже. Чтобы проверить, и заодно убедиться, что с нахалкой все в порядке.

Сбежав вниз, заметила, что яркое солнце уже стремится

ся к закату. Небо стало темнее, потеряв свою дневную насыщенную голубизну. И тени от деревьев вытянулись, поползли по траве и по дорожке перед домом, словно диковинные змеи. Вооружившись желанием отыскать магазин, решила обратиться не к соседу-бородачу (очень уж он был дерзок), а пойти напрямик к деду Степану. Вот уж кто точно согласится помочь. Да и оглядеться не мешает.

Ключи нашла в маленькой прихожей. Они лежали на тумбочке, только вспомнить, когда их оставил тут Добрыня, никак не могла. Скорее всего, Волков сделал это перед уходом, а мне ничего из вредности не сказал. Мол, сама найдет. А не найдет, так спросит.

Прихватив кошелек, заперла дверь и спустилась с крыльца. Бросила взгляд на растущие в стороне кустики зелени, различив сочный салат и пучки укропа. Отметила этот приятный факт про себя, после чего решительно направилась к калитке, игнорируя дом соседа и его самого возившегося с внедорожником во дворе. Мужчина откинул капот и самозабвенно копался в железе, не заметив, как я прошмыгнула мимо.

Дом деда Степана нашла быстро. Несколько минут ходьбы по дороге и вот он, сидит на скамейке и пыхтит в небо табаком. Я так и знала, что это все его важные дела. Лишь бы улизнуть.

– Вася!

Меня заметили. Старик выпустил идеальной формы коль-

цо из дыма и устоялся на меня.

Проигнорировав кошачье имя, улыбнулась. Про себя отметила, что стоит намекнуть дедушке, что меня лучше называть полным именем, или Лисса. Так оно привычнее. Я согласна даже на обращение по фамилии, лишь бы не это жуткое: «Вася!», – как говорится, спасибо папе!

– Степан Игнатьевич, – я подошла ближе, – а в Ложечках есть магазин? – спросила дружелюбно.

– Есть. Как не быть. Хороший у нас магазин. Евдокия товары из города раз в неделю привозит. Все у нас есть, и хлеб, и консервы.

– Ага, – обрадовалась я. – А как мне туда добраться?

– Так пойдешь прямо и до колодца. От него налево, мимо пруда с гусями, а потом снова прямо. Там и увидишь. Здание невысокое. Надпись есть, как положено, «Продукты».

– Спасибо! – я уже было качнулась в указанном направлении, когда старик добавил:

– Только сегодня уже идти поздно. Евдокия, она же до трех работает.

Я так и застыла с поднятой ногой.

– Ну и ну, – развернулась в прыжке к деду Степану.

– Ага. Утром иди. У нее как раз завоз товара. И хлеб привезут, – закивал он со знанием дела. – А если тебе что особенное понадобится, закажи, она привезет. Или Николаича попроси. У него машина шустрая. За час обернетесь до райцентра и обратно.

«До райцентра и обратно!» – повторила про себя, а перед глазами встала пыльная дорога с высаженными вдоль тополями, машина, груженная арбузами и девками, сидевшими на ягодах, и залихвацкая песня: «Каким ты был, таким остался...». Вот, честное слово, даже услышала ее в своей голове.

На миг показалось, что я попала в прошлое. Впрочем, так оно и было. Ложечки явно остались где-то в постсоветском пространстве.

Пока размышляла о злодейке судьбе и закрытом магазине, дед снова пыхнул дымом и спросил:

– Ну как дом? Понравился? – а сам отчего-то смотрит так подозрительно. Ну точь-в-точь как Добрыня.

– Да, – призналась искренне. – Дом хороший. Добротный.

– Жить да поживать, – кивнул дед.

– Нет, – я покачала головой. – Жить тут я не собираюсь. Дом, скорее всего, придется продать. Так что, если вы знаете кого, кто захотел бы его купить, буду признательна.

– Продать? – брови Степана взлетели вверх.

– Да. Немного поживу, сделаю необходимые фото, приберусь и уеду домой, – я снова улыбнулась.

– Ну-ну, – закричал он. – Поглядим.

– А что с этим домом не так? – решила спросить. Вот, Добрыня первый сказал мне нечто подобное. Что, мол, сама не захочу уезжать. Теперь этот дед!

Что с домом не так? Неужели, оба думают, что я, привыкшая к городской суете, такси, доставке еды и интернету,

останусь в этих Ложечках?

Да ни за какие коврижки!

– Да с домом все в порядке. Просто он никогда долго не оставался без хозяйки. Сначала Сима была, теперь ты. И нам нужен кто-то, помимо Николаича. Он сам не справляется. Так как не его это, так сказать, профиль.

– Вы о чем?

Старик хитро усмехнулся и сменил тему:

– Утром приходи, я тебе яиц свежих дам, прямо из-под курочки. У меня славные несушки. Сделаешь омлет, не чета городскому. И молока дам.

– Спасибо. Непременно зайду, – кивнула и, понимая, что ничего мне этот хитрый старикан не расскажет, попрощалась и двинулась назад, к своему дому.

Вот только почему-то совсем не удивилась, когда, ступив за калитку, увидела на дорожке Марусю. Кошка сидела, обвив хвостом лапы, и с обидой смотрела на меня.

– Выбралась, как погляжу! – произнесла я.

– Мурк! – последовал ответ.

– Вот и хорошо. Пойдем в дом. Будем вещи разбирать, да и неплохо было бы выпить кофе, – сообщила я черной кошке, после чего, не оглядываясь, быстрым шагом направилась к крыльцу.

Душ, чашка кофе и небольшой перекус, значительно приободрили меня этим вечером.

Разделив с Марусей припасы, поняла, что слишком устала для того, чтобы что-то делать. А потому поплелась спать, рухнув прямо на одеяло, чувствуя себя не в состоянии даже раздеться.

Сморило неожиданно. Едва легла, как тут же отключилась. И сон приснился странный. Будто я снова на чердаке, а книга, тот самый фолиант, открылся и светится, словно фонарь, маня меня к себе, словно бабочку на огонь.

Проснувшись от непонятного шума. Спросонок не сразу поняла, что происходит и откуда раздаются звуки.

Села на постели, сонно протирая глаза.

Судя по темноте, за окном еще была ночь. А быстрый взгляд на наручные часы, подтвердил догадку. Половина третьего.

Когда шум повторился, я замерла, предчувствуя неладное. Прислушавшись, вдруг поняла, что звуки идут из комнаты, которую я мысленно окрестила гостиной. Казалось, кто-то ходит там, шлепает ногами, кричит и... причмокивает?

Осторожно спустившись, натянула кроссовки и огляделась в поисках оружия. Вот точно, в дом забрались грабители. И, скорее всего, за моей драгоценной книжечкой, которая хранится на чердаке.

Только я им ее не отдам. Самой, так сказать, надо.

Прокравшись к двери, прижалась ухом. Звуки повторились. Теперь в гостиной что-то плюхало и явно плескалось

вода. Затем повторились шлепающие шаги, и я невольно почесала нос призадумавшись.

Это что? Грабители там босые ходят? Разулись, чтобы не шуметь? И кряхтят они как-то странно. Наверняка местные бомжи, которые еще не в курсе, что явилась я, законная хозяйка дома и всего добра, которое в нем имеется.

Свое не отдам. Чужого не надо, но книга – моя.

Осторожно приоткрыв дверь, выглянула в щелочку. Никого. Впрочем, обзор скудный. Вижу только кусок стены и... и все.

Звуки повторились. Плеск, вздох и шаги.

Я осмелела. Толкнула плечом дверь, открыв проем, достаточный для того, чтобы протиснуться всем телом. Ужом выскользнула наружу и припала к полу, изображая коврик. Несколько секунд ждала, пока успокоится бешеное биение сердца, а затем перебежками на четвереньках, передвинулась вперед, к лестнице, да там и застыла, прижавшись к ней спиной.

Очередной обзор выявил подходящее оружие.

В углу заметила швабру. И до нее было рукой подать. Чем не защита от бомжей? Хотя, честно говоря, в голове уже созрела более хорошая идея. Выбраться из дома и попросить помощи у соседюшки-здоровяка. Вот уж он точно раскидает воришек, как настоящий Добрыня Никитич, в разные стороны.

Даже успела представить. Вот он слезает с печи, идет в

мой дом и стены трещат от силы богатырской. А в распахнутые окна с воплями и стенаниями, вылетают злодеи в масках. А следом в двери выходит он, отряхивая руки с небрежной лентой...

Хлюп. Что-то снова противно зачавкало и мысли о соседке сдулись, как воздушный шарик. Снова вернулся страх, и я уже почти с обожанием покосилась на швабру.

Эх, лучше бы, конечно, сковородку. Но чем вступать в неравный бой с неизвестным врагом, все же разумнее побежать к соседу, просить помощи.

В итоге, разум победил мою воинственную натуру. Вздыхнув, осторожно выглянула в гостиную, пытаюсь разглядеть злоумышленников.

Никого.

А шаги топают. И уж точно, Маруся, при всем ее немалом весе, так шуметь не может. А значит пора руки в ноги и бежать. Желательно назад в спальню. Там тихонько открыть ставенки, выскочить во двор и к Добрыне в гости.

Бочком, ползком направилась было назад, когда за спиной что-то влажно шлепнулось, а затем голос, низкий, сиплый, ну чисто бомжатский, прохрипел:

– Ноги подыми!

– А? – задрожав всем телом, медленно развернулась, уже представляя себе мужика в лохмотьях, с перегаром и красными после перепоя глазами. Ну и правда, что еще делать в деревне, кроме как пить? А в висках стучала жуткая мысль:

«Не успела!».

– Ноги подыми, говорю. И себя заодно. Ишь, разлеглась. Убираться мешаешь! – сказало то, что стояло за моей спиной.

Одного взгляда хватило, чтобы я не выдержала.

Заорала знатно. Голос у меня был сильный, но противный. Мне так в караоке друзья говорили. И вот, надеюсь, пригодился. Теперь-то сосед, услышав этот ор, примчится на подмогу, не иначе.

Сидя на попе, развернувшись полубоком к тому, что стояло рядом, я немного покричала. Что и говорить, стало легче. Часть страха выплеснулась с воплем. И тогда я, вскочив на ноги, живо метнулась назад в комнату. Только дверь хлопнула, когда я, закрыв ее, навалилась всем телом, дабы не пропустить чудище в спальню.

Первая, и самая разумная мысль, была о том, что я сплю. Но ущипнув себя за руку, вскрикнула. Нет. Сна ни в одном глазу. Но что же делать?

В дверь на удивление никто не ломился. Ага, значит, чудище выжидает, когда я сама выйду?

Да ни за что!

Рискнув, оттолкнулась от двери и бросилась к окну. Один горшок с цветком убрала на пол, второй туда полетел сам, когда я, распахнув ставни, сиганула во двор.

Не оглядываясь, бросилась к калитке. Заветные окна соседского дома спали. Спал, по всей видимости, и хозяин. То

ли не услышал мой крик, то ли не захотел услышать. А может, он глуховат?

Так или иначе, ноги вынесли меня за калитку, потом я во-
рвалась на территорию Волкова и взлетев по ступеням, при-
нялась стучать в его дверь кулаками. А в голове все это вре-
мя стоял жуткий образ коротыша с уродливой физиономи-
ей, повязанной платком, да в ситцевом платье.

Уродливый карлик маньяк!

Боже! И откуда такое «счастье» в Ложечках? Это только
с моим везением, однозначно!

Кто бы мог подумать, что в этой, забытой всеми, дере-
веньке, обитает нечто, или некто, подобный!

Боже, ну почему этот бородище не открывает!

Я продолжала тарабанить. Казалось, прошла целая веч-
ность, прежде чем дверь без скрипа распахнулась и на поро-
ге появился хозяин дома.

В первый миг, узрев его в полуобнаженном состоянии, я
даже лишилась способности разговаривать. Застыла, с под-
нятым вверх кулаком и раскрытым ртом. Глаза остановились
на рельефной груди Добрыни, такой широкой, что мужчина
закрывал собой проход в дом.

На Волкове были одни штаны. Легкие, хлопчатобумаж-
ные, и больше ничего. Впрочем, чему удивляться, если я
подняла человека из постели!

Пока разглядывала идеальный торс мужчины, скольз-
я взглядом по крепким мышцам и рукам, перевитым канатами

жил, лохматый хозяин дома прищурил темные глаза и спросил:

– Что стряслось?

Звук его голоса, спокойный и чуть хриплый (явно последствия сна) привел меня в чувство. И правда, я смогла отвлечься и даже на какое-то время забыть о том, что произошло, когда увидела всю эту мужскую красоту. Что и говорить, даже у моего накаченного Дэна не было такой шикарной фигуры. А это при том, что Дэн часами пропадал в спортивном зале, да еще и пил какую-то гадость, чтобы мускулы росли быстрее.

Встряхнув волосами, растрепавшимися после бега и прыжков из окна, подняла глаза, решив смотреть только на заросшее лицо Добрыни. Уж оно меня не отвлекало, в отличие от его торса.

– Тааам, – выдавила и, развернувшись, ткнула пальцем в направлении своего дома.

– И что там? – Он по-прежнему говорил спокойно.

– Ты не понимаешь, – шепнула. – Ко мне в дом забрались! Что-то жуткое. Маньяк, как минимум! – и еще тише, скулящим голосом, добавила: – Помогите!

Взгляд соседа изменился. В первую минуту я было решила, что он рассмеется, приняв мои слова за бред, но нет. Смеяться Волков не стал. Ухватил меня за плечо и, втянув в дом, бросил:

– Подожди, я надену рубашку и пойдем, проверим, что

там тебя напугало.

Я кивнула. Страх и пережитое вернулись снова.

Добрыня щелкнул выключателем и помещение озарилось милым сердцу электричеством. Проследив взглядом, как мужчина быстро поднимается по лестнице на второй этаж, я потеряла его из виду и огляделась.

Внизу располагалась гостиная. Мягкая мебель, крепкий деревянный стол и книжные шкафы, дремавший до осени камин, такой же вычищенный, как и тот, что был в доме бабы Симы. Пол и стены обиты деревом. На окнах красивые шторы. У дивана, рядом с которым стоял низкий столик, брошена какая-то шкура, судя по виду, искусственная. И все внутри так чисто и опрятно, что даже немного напрягало. И все же, здесь было уютно. Создавалось странное ощущение возвращения домой. И это при том, что я в доме Волкова была впервые.

Определенно, Добрыня, который не Никитич, то еще педант и аккуратист. Впрочем, не нужно было заходить в дом, чтобы это понять. Порядка во дворе хватало для некоторых выводов.

Такому и жена не нужна. Сам с хозяйством справится на ура.

Волков вернулся быстро. Сбежал вниз, на ходу застегивая пуговики на рубашке.

– Пойдем, посмотрим, что там тебя напугало, – сказал быстро. А я только сейчас заметила, что мы успели перейти

на «ты». Ну да и ладно. Не беда. Для соседей это нормально. Тем более, в такой ситуации.

– Пойдем, – кивнула, чувствуя, что покидать уютную гостиную очень не хочется. И еще меньше хотелось возвращаться назад. Я немного надеялась, что к этому времени чудо-юдо уберется восвояси. Но как бы тогда соседка не решил, что я сошла с ума, понапридумав невесть что.

Мы вышли во двор. Добрыня шагал первым. Я семенила за ним, едва успевая за широким шагом здоровяка. Вот его калитка. Вот моя калитка.

К двери подходили решительно и уверенно. Уже на крыльце Волков вдруг спросил обернувшись:

– На чердаке была?

Его вопрос удивил, да так, что я резко остановилась, вскинув взгляд.

– Что? – Не понимаю. При чем здесь чердак?

– Я говорю, на чердаке была?

– Ну да, – выдавила кивнув.

– Понятно, – он улыбнулся. Вот точно, несмотря на темноту, царившую на улице, я совершенно точно разглядела его улыбку. А затем Волков меня окончательно удивил, когда, подняв руку, осторожно и даже вежливо постучал в дверь.

– Э! – я выскочила вперед. Перехватила его руку, ох и сильная она у него. Твердая, как камень. – Ты что? Там же это чудище-маньячище?

– Подожди. Разберемся, – он осторожно освободился из

плена моих пальцев, а затем принялся ждать. Я даже запыхтела обижено. То ли сосед в сговоре с карликом, то ли просто издевается надо мной. Надо же, какой гад! Я-то думала, что он сейчас ворвется в мой дом и наведет там порядок. А он стоит себе под дверью и чего-то ждет. Наверное, у моря погоды.

– У! – захотелось пнуть его по коленке, да побольнее. – Ты что, так и будешь стоять и ничего не делать? – вырвалось раздраженно-шипящее. Там же ворюга! – и едва не вцепилась в ворот его рубашки, ну, чтобы встряхнуть и привести в чувство.

Но в этот момент дверь распахнулась. В доме вспыхнул свет, и я, застыв с руками, тянущимися к шее Волкова, уставилась на то, что увидела на пороге.

Хотела снова завопить, но в горле что-то сдавило и, вместо крика, я попросту икнула.

Добрыня перехватил меня за талию своей лапищей и, не давая возможности прийти в себя, просто занес в дом, пока я продолжала икать. А потом меня, икающую, усадили на диванчик и оставили таращиться на чудище, которое подошло ближе на своих коротких ножках, уставилось большими желтыми глазищами и спокойно так спросило:

– Шо, горемышная? Воздух не в то горло попал?

– А... – выдавила я. – Ик!

– Ей бы водички! – проговорил сообщник мелкого чудовища, соседushка Добрыня.

– Вы! – прохрипела я и нашла в себе силы посмотреть на Волкова. – Вы! Ик!

– Ей бы чяво-то покрепше, чем водичка, – кивнуло чудище. – Щас организую, – и, развернувшись, прошлепало бо-
сыми ногами по чистому, вымытому полу.

Я посмотрела существу вослед. Нет. Это точно не было карликом. Да и, скорее всего, это была женская особь. Но какая же уродливая. Мутант, не иначе.

Чудище ростом едва ли доставало мне до бедра. Лохматое, словно соседushка, с платком на космах, в каком-то подобие платья, оно поражало воображение. Хотелось икать и нервно хихикать.

У мутантика оказалось широкое лицо. Нос картофелиной, и два огромных глаза, похожие на полную луну. Кожа темная, словно после длительного пребывания на солнце. А может, это была карлица мулатка? В глазах явно читался разум. Да и говорило чудище адекватно. Но от этого не становилось менее страшно.

Икая, ждала, пока существо вернется. Сосед-богатырь стоял тут же, сложив на груди сильные руки. А я не знала, что и делать. Нет, совершенно точно, бежать нет смысла. Этот (тут я бросила взгляд на Добрыню) вмиг догонит и скрутит. Да и куда бежать? К деду Степану? Боюсь, даже если мне и удастся это безумие, то старый перечник сдаст меня своим односельчанам, или одnodеревенщикам. Даже не знаю, как правильно сказать. От жути происходящего в голове полная

каша.

Чудище тем временем вернулось из кухни, держа в руке стакан, полный наполовину, и...

Тут я даже вытаращилась от удивления...

И кусок сала на черном хлебе.

– На-ко. Пей, – оно подошло ко мне и сунуло все добро в руки. А я и приняла.

– Только залпом пей. Легше станет, – сказало, а само так смотрит, пристально, словно я была его, или точнее, ее, завтраком.

Добрыня, глядя на мой стакан, усмехнулся.

– Пей, – подтвердил слова мутантка.

А я и выпила. Черт дернул, не иначе.

– А! – завопила, едва проглотила залпом эту светлую муть.

Горло обожгло. На глазах выступили слезы. Я закашлялась, чуть не выронив из руки хлеб и сало.

Что это они мне сунули? Яд?

– А ты занюхай, да закуси! – посоветовало чудище.

– Лучше бы убили сразу! – выкашляла я слова.

Чую, глаза у меня вылезли из орбит. И теперь висели на добром слове.

– Зачем же убивать-то! Ишо пригодишси, – существо оскалилось. – А самогоночка у меня добрая. Нихто не жаловалси. Щас легче станет. Ты тока занюхай хлебом. Дело говорю!

«Самогоночка?!» – пронеслась мысль в голове.

– Марусь, надо было бы воды, – проговорил Добрыня спокойно. – Откуда в их городе хорошая самогонка. Да и непохожа девчонка на пьющую.

«Маруся?» – я забыла про огонь в горле и уставилась другими глазами на существо.

Как этого мутантика Добрыня назвал? Именем кошки? Бррр... даже головой затрясла.

– Да я знаю, шо делаю, – отмахнулось существо. – Да и самогоночка ента из особого, значит, запасу. С травками нужныма. Щас наша Вася успокоится, и мы покумекаем.

Глава 3.

– А не отключится в самый важный момент? – изогнул бровь Волков.

Маруся даже губы надула.

– Обижаешь, Добрынюшка! Я жеж с травками на «ты». У меня так сразу не отключится.

Все это время, пока эти двое выходца из былинных сказок, обсуждали меня так, будто я была предметом мебели, сидела да моргала, ощущая, как в голове, да и теле, становится легко-легко. Хваленая кошкина самогоночка начала действовать, не иначе.

Кошкина...

Самогоночка...

Боже, что я несу! Ик!

– Может вы, наконец, объясните, что происходит? – потребовала, глядя поочередно, то на страхолюдину, то на здоровяка. – Или разбудите меня, если я сплю!

– Может тябе яблочка моченава принять? – уточнила Маруся. – Али огурчика? Правда, у меня остались токма с прошлого года. В ентом не успела. Дом-то закрытый стоял.

Отрицательно качнув головой, отползла на дальний конец дивана, от чудиков подальше. Добрыня, видя мое отступление, снова усмехнулся.

– Не бойсь, Вася! – Маруся присела на край дивана, и те-

перь ее короткие ножки болтались в воздухе. Волков остался стоять. А я отчего-то устояла на ноги этого существа. Они были босые, широкие, совсем не по росту крошке. Полагаю, Маруся страдала плоскостопием и излишними мозолями.

– Не бойсь? – повторила я за существом. – Да ты что такое? А ты, – повернулась к Добрыне, – все знаешь, а ничего не сказал! Не предупредил, что я в этот кошмар попаду. Да если бы я знала, что тут гоблины шастают, я бы ни ногой в ваши Ложечки! Ни дом мне не нужен, ни книга!

Маруся сдвинула брови. Подсела еще ближе, явно втираясь в доверие.

– Не гoblin я, вот ишо глупость кака! – произнесла она. – Я домовиха.

– А кошка? – уточнила я. – Ты что, оборотень?

– Нет. Нормальная домовиха. Кошкой обращаюсь, шобы народ не пугать. А так, если шо надо, могу и такой, ну какая есть, – последовал ответ.

Домовиха! Мама родная! Куда это я попала? В сказки Пушкина? Может и Добрыня не Добрыня вовсе, а какой-нибудь водяной или леший? Или еще кто похуже!

Верить в подобное не хотелось. Но Маруся казалась такой настоящей, что отрицать очевидное не было смысла.

– Я при ентот доме ужо который десяток лет жаву. Помню увсех ведъм, хто был в вашем роду.

– Ведъм? В моем роду? – повторила я. – Это ты что, намекаешь, что я ведъма?

– Натуральная, – бросил насмешник Волков.

– Потомственные, – в тон ему, заявила домовиха. – Мы ж почему сразу тебе все не рассказали, вчера, как приехала. Проверить надо было, ты это, али не ты.

– Проверили? – спросила осторожно.

– А то! – улыбнулась Маруся. – Дом тебя принял, на чердак впустил, де Сима свои тайны хранила. Тепереча все твое, как говорится. Владей. С книгой я разобраться помогу. С травками тоже. Да и дар скоро проявит себя. А там заживем припеваючи. Народ потянется. Ты енто, не переживай, главное. Дом будет на мне. Ты себе знай, лячи, помогай, а я подсоблю чем смогу!

Маруся говорила с воодушевлением, а мне от каждого ее нового слова становилось дурнее и дурнее. Того и гляди, в обморок хлопнусь, и никакая самогоночка с успокоительными травками не поможет.

– Маруся, ты все же ей воды принеси, – обратился к бывшей кошке сосед. – Что-то она после твоих травок бледная совсем стала.

– То не травки. То от счастья! – рассудила домовиха.

О, да! Счастье-то привалило какое! Ни сесть, ни встать.

– Ты, Маруся, и правда, сгоняй на кухню. Воды принеси, а я с нашей Василисой поговорю. Объясню ей что к чему, – попросил Волков и, удивительное дело, домовиха послушалась.

– Ты только это, Добрынюшка, на девку не дави. У нее и

так вон глаза какие. А мене хозяйка нужна. Сам понимаешь. Без ные и в дом попасть не могла.

– Да знаю, знаю, – отмахнулся мужчина и Маруся, спрыгнув с дивана, пошлепала прочь из гостиной. А Волков занял ее место, положил ладони на колени, после чего взглянул на меня и произнес:

– Поговорим?

– Поговорим, – согласилась.

Интересно, что он знает? Видимо, много, раз совсем не удивился преображению Маруси. Да и с бабой Симой он был хорошо знаком. Это что... Получается, вредная старушка еще и ведьмой была? Надо же, как я вляпалась. Знала бы, ноги моей не было бы в Ложечках. Дом можно продать и заочно, хотя это и хлопотное дело. А теперь что делать? Волков смотрит так, словно сейчас раскроет мне великую тайну. А мне почему-то совсем не хочется ее узнать. Вот пятой точкой чую – ничего хорошего это не предвещает.

– Твоя бабушка просила рассказать о доме и о силе тому, кто станет ее наследником, – начал Волков. – Я не знал, кто именно приедет в Ложечки. Мое дело просто передать слова Серафимы.

– Я вся внимание, – заверила бородача.

– Так вот, ты теперь ведьма, – обрадовал меня Добрыня.

Я даже поперхнулась воздухом.

– Что? – спросила. – То есть, ты не шутил?

– А я похож на шутника? – он насмешливо изогнул бровь.

Покачав головой, поникла.

– Так вот, после смерти Серафимы дом остался закрыт даже для Маруси. Войти в него должен был наследник. Тот, кто получит силу. Доказательством этого послужил тот факт, что ты смогла войти на чердак. Именно там хранилась ведьмовская сила Серафимы. Обычно, умирая, ведьма призывает к себе ученика, чтобы передать ему свой опыт и магию. Но так как поблизости никого не оказалось, Сима заперла свою силу на чердаке. Войти туда мог только избранный. или избранная.

– Звучит, как аннотация к дешевому американскому ужастику, – проговорила, не удержавшись от сарказма.

– Тем не менее это правда. Дом тебя принял. Силу ты получила, хотя еще и не поняла этого.

– Что еще за сила? На метле смогу летать? – я вспомнила Маргариту Булгакова. На миг представила себя обнаженной верхом на венике. Нервно икнула.

– Сима людей лечила, – покачал головой Добрыня. – Со всех городов и сел к ней приходили за помощью. Теперь ты займешь ее место. В тебе целительская сила. Причем, ты можешь не только людей исцелять. Но и животных, и даже землю и воду. Все, что вокруг нас.

– Ох, ты ж... – слов не было. Приличных.

– А могу я снова сбегать на чердак и вернуть эту силу? – спросила с надеждой. – Мне она не нужна. Я приехала, чтобы продать дом, а не вляпаться в непойми что. Я эту силу не

просила и не желала.

– Не ведьма выбирает силу, а сила ведьму, – явно пытаюсь казаться мудрым философом, изрек Волков. – Ничего вернуть ты не сможешь. Сила сама покинет тебя после твоей смерти.

Я даже застыла. Порадовал, называется.

Э, нет! В ведьмы я не записывалась. Не хочу! У меня были совсем другие планы на жизнь. Конечно, лечить, спасать, звучит благородно, но это просто не для меня.

Добрыня следил за выражением моего лица, считывая эмоции, которые я не могла удержать. Видимо, они были слишком яркими, потому что мужчина вдруг добавил, окончательно добив меня своей фразкой:

– А еще, тебе придется жить здесь. Теперь ты, в какой-то степени, привязана к дому. Так что, Василиса, сама понимаешь, продать его и уехать нет никакой возможности.

Видимо, волшебная самогоночка с травками придала мне сил, потому что, вскочив на ноги, я запротестовала:

– Что! Нет, нет и еще раз, нет! Я не собираюсь застрять до конца своих дней в этих дурацких Ложечках!

– Ну почему же, застрять? – уточнил мужчина. – Здесь отличное место. Свежий воздух. И ты сможешь выезжать куда пожелаешь. Чем больше проживешь в доме, тем дальше и дольше сможешь находиться вне дома.

Он смотрел на меня с насмешкой и видимо, откровенно насмехался.

А может, Добрыня все это выдумал, ну просто, чтобы позлить меня?

Верить его бредням не хотелось. Боже, а ведь я так радовалась наследству. И не сколько из-за дома, сколько из-за возможности на время сбежать от проблем, оставшихся там, в городе, сейчас казавшемся далеким и желанным, как мечта.

Вот бы вернуться домой. Дэна я уже проучила. Как смогла. Но это сейчас неважно. Просто хотелось забыть все, произошедшее в деревне, как страшный сон, вместе с домовиной Марусей, соседкой Добрыней и книгой на чердаке.

Не нужна мне сила. Не хочу. Не желаю!

– А я тут водички принесла, – Маруся всплыла в гостиную, держа в руке стакан с чистой, почти хрустальной, водой. – Родниковая. Сбегала, пока вы толковали.

Бросив взгляд на жуткую физиономию бывшей кошки, испытала желание убежать прочь от ее водички, и от самой страхолюдины. Но Маруся стояла, глядя на меня своими золотыми глазищами, окончательно убивая надежду на то, что мне просто все снится.

Жаль, что это не так.

– Што уж тут произошло? – домовиха сразу заметила перемену, витающую в воздухе.

– Все нормально. Просто Василисе выспаться надо и отдохнуть. – Добрыня встал, явно собираясь уходить. – На чердаке есть книга, – вдруг сказал он. – Ты уже видела ее. Так вот, советую хорошенько ознакомиться с ее содержанием.

Там все, что нужно для ведьмы. Маруся поможет освоиться.
– Подсоблю! – с готовностью закивала домовиха, а потом снова протянула мне стакан. – Выпей! Легше станет. А потом спать.

Ишь, раскомандовались все!

Внутри вспыхнуло отчаяние.

А вот уйду. Убегу. Назад, из этой глуши, из деревни. Этим же утром пойду на остановку. Автобус в Ложечки ходит. Насколько я знала, целых два раза в день! Просить Волкова, чтобы отвез на своей машине, нет смысла. Не отвезет. Он уже прочно зачислил меня в жители умирающей деревеньки в три дома два двора.

И никто не заставит меня остаться. Ни сила, ни дом.

Вернусь домой, найму дилеров. И продам. Пусть за копейки, но избавлюсь от ненужного наследства в Ложечках.

Наклонившись, взяла стакан из руки Маруси. Выпила залпом под пристальным взглядом Добрыни (как только не подавилась, ума не приложу). Водица была такой холодной, что онемели зубы. Точно родниковая. И где только ее раздобыла домовиха? Впрочем, думать об этом не было сил. Внутри бушевала ярость и толика обиды. Но почему-то не хотелось обижать эти золотые глаза, глядевшие с надеждой. Маруся, несмотря на внешнее уродство, мне нравилась.

– Я спать, – произнесла прохладнее, чем хотелось. И ведь знала, что до рассвета не сомкну глаз! Но надо было побыть немного наедине с самой собой. Подумать, осмыслить то, что

узнала, а утром, с первыми лучами солнца, забыть и выбросить, как ненужный мусор из памяти.

– Спасибо, – сказала домовихе, бросила на Добрыню быстрый взгляд и потопала прочь из гостиной в спальню.

К своему удивлению, увидела, что окно закрыто. Цветы стоят на месте, а кровать расстелена и одеяло отброшено в сторону, словно приглашает прилечь и отдохнуть.

Тут-то меня и сморило. Самогоночка дала о себе знать своей приятной стороной.

Скинув верхнюю одежду, повалилась на кровать. Не думала, что усну, но уснула. Да так крепко, что в ту ночь не увидела снов, обычно ярких и живых. Вокруг была только тьма.

Добрыня уже открывал калитку, когда услышал за спиной тихие шаги. Затем черная кошка запрыгнула на каменный забор и, обернувшись домовихой, произнесла:

– Шо думешь, Добрынюшка? Сбьжит, горемышная?

Бородач несколько секунд молчал. Затем оглянулся на спящий дом ведьмы. Домовиха погасила свет в окнах, и теперь новая хозяйка спала в тишине и покое.

– Сбьжит, – произнес он с уверенностью. – Думаю, уже сегодня.

– Эх! – вздохнула Маруся. – А ко мне только силушка начала возвращаться. Вишь, как оборачиваюсь ловко. Как прежде!

Волков мягко посмотрел на существо. Улыбнулся.

– Далеко она все равно не уйдет. Сама знаешь, – сказал.

– Знаю. Только она упрямая. Противиться будет судьбе.

А для силушки это худо. Да и для нее самой.

Бородач пожал плечами.

– Сима сама виновата. Знала, кого выбирает. Она ведь не просто так оставила девчонке наследство.

– Так-то оно так. Ты уж подсоби, Добрынюшка. Пригляди, если я што упущу. Сам знаешь, скоро начнется... – домовиха вздохнула. – Сила, она уже в воздухе летает. И не только я ее чую. Все чуют.

– Подсоблю, чем смогу, – пообещал Волков. Хотя ему совсем не хотелось вмешиваться в судьбу этой городской выскочки. Мужчина искренне опасался, что от Василисы будет больше проблем, чем толку. Знал он таких, как она. Красотки, которые думают, будто весь мир должен пасть к их ногам. Городская штучка. Избалованная девчонка, вот кто она!

– Вот и спасибо, Добрынюшка! – улыбнулась Маруся.

– Завтра я ее верну, если решит сбежать, – кивнул мужчина. – Только пусть сначала поймет, что значит, удалиться от дома дальше, чем это возможно. Иначе, до нее не дойдет. К словам она осталась глуха. Слышит только то, что хочет.

Маруся горестно вздохнула и кивнула соглашаясь.

Утро принесло отличную солнечную погоду, тепло и от-

носительно неплохое настроение.

Проснувшись, я решила, что все же, никто насильно удерживать меня в Ложечках не станет. А потому чемодан, или, как в моем случае, сумку в руки, и айда на остановку встречать «пазик». Книгу бы прихватить, но, боюсь, Маруся вынести ее не позволит. Да и как буду с такой тяжестью в автобусе? Нет. Пусть книга подождет своего часа. Теперь я совершенно уверена, что этим фолиантом заинтересуются знающие люди.

– Доброе утро! – дверь приоткрылась и в проеме показалась голова домовихи, уже в другом платке, более цветастом и праздничном.

В свете солнца она казалась еще более страшной, чем ночью при электричестве. Но отчего-то внешность Маруси не казалась отталкивающей. Страшной, да, но не отталкивающей.

– Доброе утро! – ответила я и потянула носом необычайно вкусные запахи, просочившиеся в комнату. – Ой, – не удержалась, – а чем это так пахнет?

– Омлет и оладьи, – последовал ответ.

– Откуда такое добро? – удивилась я. А потом вспомнила, как дед Степан приглашал меня заглянуть к нему утречком, за свежими яйцами и молоком. А тут домовиха все уже организовала. Удобно-то как! И идти никуда не надо!

– Давай, умывайся и к столу. Я уже накрыла, – проигнорировав мой вопрос, скомандовала Маруся. Мне только и оста-

валось, что подчиниться.

Когда спустя несколько минут, свежая, умывшаяся и принявшая душ, я сидела за столом, глядя, как домовиха, взгромоздившись на табурет, разливает чай по кружкам. Передо мной на тарелке лежал омлет, который пах так, что в моем животе играл целый оркестр. Маруся, знай себе, улыбалась, слушая эту «симфонию», а потом протянула мне кружку и усевшись на табурет, произнесла:

– Ты кушай-то, кушай. Тощая какая. Небойсь в городе никто не кормил тебя? Одни косточки!

– Я не тощая, я стройная, – возразила домовихе и принялась за омлет.

Что и говорить. Вкусно. Нет, не просто вкусно, а божественно! Вот, кажется, что такого, взбить яйца и молоко... Да потом пожарить с помидорами и ветчиной, да посыпать нарубленной зеленью и специями. Но почему у одного все это тает во рту, а кулинарный шедевр другого хочется выплюнуть, да поскорее.

У Маруси, определенно, был талант к готовке. К тому же сказался мой неумный аппетит. Вчера я поклевала маленько, да и после самогоночки...

– Голова не болит часом? – словно прочитав мои мысли, спросила домовиха. Я видела только ее глаза и макушку. Остальное находилось под столом. Слишком уж маленькой была хозяйюшка.

– Не болит! – выпалила, и только сейчас поняла, что ведь,

действительно, не болит, от слова «совсем». Более того, разум чист, как стекло после «Мистера Мускула».

– Вот и хорошо, – кивнула домовиха. – А ты ешь, ешь!

– Вкусно! – не удержалась от похвалы. Рука потянулась к ароматному хлебу, еще теплomu, с румяной корочкой, которая выглядит хрустящей даже на взгляд.

– Славно, – порадовалась Маруся. – Кормить тебя буду хорошо. Я этому делу обучена. Так что, знай постигай силушку, да ни на шо не отвлекайси.

Она явно решила, что я остаюсь. Неприятно, конечно, огорчать домовиху, но и врать ей не хочу. Не в моей это натуре.

– Марусь, – проговорила, проглотив ком в горле...или кусок омлета?

– Ась? – глаза, размером с блюда, уставились на меня.

– Я сегодня домой собираюсь. В Питер.

Ее лицо отразило все те эмоции, которые не выразили последующие слова.

– Почему?

– Мне тут не место, понимаешь? – попыталась донести правду до домовихи. – Я не смогу в деревне. Да и у меня там, в Питере, жених. Я и приехала сюда больше, чтобы ему насолить. – А затем и сама не поняла, как из меня полились слова. Наверное, стоило выговориться. А Маруся показалась мне очень подходящим слушателем. Таким, который не побежит потом рассказывать все и всем, как мои, так называе-

мые подружки.

Я говорила и говорила. Про Дена, про то, как он положил глаз на мою лучшую подругу. Как я застала их целующимися и это после того, как он сделал мне предложение руки, сердца и всего, что к ним прилагается. С колечком и прочими атрибутами.

После того, как я сказала: «Да!».

Сволочь он. Хоть и красивая. Молодой, черноволосый, ухоженный, на дорогой машине...

Ден сын состоятельных родителей. Таких сейчас принято называть «мажорами». Но при этом он неглуп, начитан и вполне может поддержать разговор. Только, что скрывать, парень очень падок на женский пол. До меня он менял подружек, как перчатки. А потом, когда начали встречаться, уверял, что я та, единственная, с кем он, дескать, желает дожить до конца своих дней.

Я хотела поверить в сказку и поверила.

И, как итог, торчу в Ложечках, сбежав от предателя, который пытался заверить меня, что те поцелуи, невольным свидетелем которых я стала, ничего для него не значат. Хотела проучить женишка, а в итоге сама попала в переплет.

Моргнув, сообразила, что Маруся молчит и просто смотрит на меня. А взгляд у нее такой грустный, что самой выть охота.

Впрочем, может это она на меня пытается влиять своей магией? Ну, чтобы вынудить остаться в деревне?

– Вкусно ты готовишь. – Произнесла, желая сделать приятное домовихе. А потом возьми, да брякни: – А хочешь со мной в город? У меня большая квартира. Будем жить-поживать.

Маруся даже не дослушала. Скривила нос-картофелину.

– Город это жеж мертвое, Вася, – заявила она со знанием дела. – Нет в вашем бетоне и иже с ними ничего живого. Сами себя от земли-матушки отрезали. От силы ее и помощи. Дома построили до небес. А чем оно от земли дальше, тем связь с ней слабее. Нет, – покачала головой Маруся. – Ничего хорошего нет в твоём городе. Лучше ты тут оставайся. У нас все свое. Свежее, настоящее.

Я допила чай и решительно отодвинула опустевшую тарелку, покосившись на оладьи. Пышные такие. Но, боюсь, в меня уже ничего не вместится.

– Нет, Маруся, – сделала попытку. – Как и город не твое, деревня не для меня.

Она снова вздохнула. Потянулась за грязной посудой, добавив:

– Так-то оно, может, и так. Но ты жеж пойми, Вася! Дом тебя не отпустит, пока силушку не примешь, как положено. Не сможешь ты уехать. И не пытайся даже.

– Что? Свяжете с Волковым и будете голодом морить, пока не соглашусь с вашими бреднями? – вспыхнула. Впрочем, это вряд ли. Скорее, откормят на убой. В это больше верится.

– Да мы то с Добрынюшкой тут при чем? – Маруся даже

глаза округлила от негодования. – Ишь, чаво придумала.

– Ничто меня в Ложечках не удержит, – заверив домовиху, поднялась из-за стола. – За завтрак и гостеприимство спасибо. Пойду вещи собирать, пока этот сумасшедший дом не затянул меня в свои сети!

Маруся только вздохнула.

– Ну, иди. Попробуй. Оно, как говорится, лучше на своем опыте все понять. Молодая ты ишо, Вася. Послушала бы старую Марусю...

Вот заладила!

Если они меня с Волковым останавливать не станут, то разве что меня удержит.

Ну не получилось отдыха в деревне. Зато развеялась. Вон, сколько приключений всего за сутки! Встряхнуло меня так, как надо. Долго не забуду эти Ложечки и домовиху. Жаль, конечно, что она место жительства сменить не пожелала.

Я даже на миг представила себе, как везу домой черную кошку и усмехнулась. Нет. Наверное, домовиха права. Где родился, там и пригодился.

Вещи собрала быстро. Благо, вчера я не успела разобрать сумку. Побросав туалетные принадлежности в бокс, сунула его среди вещей, тех немногочисленных шортиков и маечек, которые прихватила из города. Застегнула молнию и закрепила сумку на колеса.

Из дома уходила торопясь. У меня было расписание «пазика». Оставалось надеяться, что ходит он точно по време-

ни, а не так, как это практикуют в деревнях, с опозданием на, плюс, минус, час.

В этот раз, волоча сумку по пыльной дороге, увидела еще несколько обитателей Ложечек. Двух женщин почтенного возраста, и одну лет сорока.

На меня посмотрели с интересом, и я поздоровалась, но не остановилась, боясь опоздать на автобус. Да и о чем мне разговаривать, если станут что-то спрашивать?

– Это ты чаво? Ужо назад возвращаешься, Вася? – через забор, пыхтя трубкой, на меня уставился дед Степан. Вот уж не думала, что его встречу. А он, получается, тут под забором постоянно околачивается?

– Да, дедушка. Домой пора. Что-то в ваших Ложечках мне не понравилось. Бывайте и не болейте, – попрощалась и пошла быстрее.

– Ну, давай, – донеслось вослед.

Вот поворот у пруда. Тот самый, за которым должен быть магазин. Я бросила в сторону взгляд, а затем пошла прямо, увидев крышу деревенской остановки.

Автобус порадовал. Пришел вовремя. Водитель оказался тем же дядькой, который и привез меня сюда.

Заташив вещи, устроилась, заняв сразу два места. Оплатила проезд, и мы поехали.

Кроме меня в автобус зашла какая-то бабушка из местных. Мы поздоровались и на этом общение закончилось.

Развернув лицо к окну, я со вздохом вспомнила старую книгу на чердаке Серафиминого дома. А затем мимо поплыли поля, дальняя кромка леса и Ложечки скрылись из виду. Внутри что-то сдавило. То ли тоска, то ли еще что непонятное. Только я лишь улыбнулась.

Э, нет. Не вернусь я туда. А дом продам, как и планировала. Я не просила себе никакой силы. Бабка из вредности решила все за меня. А так дело не пойдет. Не хочу. Не буду!

Еще одна остановка и тут что-то пошло не так.

Я не сразу поняла, что происходит. Мне просто стало дурно. Первой мыслью было: «Укачало!». Только я всегда эту самую качку переносила отлично. Будь то машина или корабль. Ни волны, ни дороги с ухабами, меня не волновали. Всегда сочувствовала тем бедолагам, кто с трудом переносит подобные вещи. И тут такое!

Тошнота пришла не сразу. Автобус успел проехать еще с полкилометра, когда к горлу подкатил и оmlет, и чай.

Прижав ладонь к губам, поняла, что придется выйти. Да, прямо сейчас и прямо здесь, в поле.

Рванув к водителю, принялась знаками показывать, что мне плохо. Стоит отдать должное мужичку за баранкой. Он вмиг сообразил в чем дело и ударил по тормозам.

Едва дождавшись, когда откроются двери, стремглав высочила в высокие травы, густо растущие вдоль обочины. И почти в тот же миг заметила вдали мелькнувшее авто.

Упав на колени, ощутила уже не только тошноту, но и

боль, сдавившую мою бедную голову, будто тиски стального обруча.

Охнув, наклонилась, забыв обо всем на свете. И о своих вещах в автобусе, и об удивительно знакомой машине, ехавшей в одну сторону с «пазиком». Пришла в себя только, когда чьи-то сильные руки подняли меня и поставили на ноги. А знакомый хрипловатый голос спросил:

– Дурно?

– Ага! – кивнула и повернула голову.

Добрыня Волков смерил меня взглядом, а затем забрался в автобус. Переговорил о чем-то с водителем и выбрался назад уже с моей сумочкой и остальными вещами.

– Что происходит? – отдышавшись, спросила, вытаращившись на наглеца, который махнул водиле рукой, явно отпуская мой автобусик восвояси. Что это он рекомендовался?

– Э! – забыв о тошноте, бросилась к автобусу, но двери закрылись буквально перед носом. Машина скрипнула и поехала дальше, оставив меня дышать облаком пыли и ярким выхлопом вонючего бензина.

– Блин, – замахав рукой перед лицом, поморщилась.

Добрыня тем временем отнес мои вещи себе в машину и вернулся с пластиковой бутылкой, в которой плескалась, надеюсь, чистая вода.

– Держи, – сунул мне в руку. – Выпей. Родниковая. Маруся передала.

Я выпила. Вода была мне действительно необходима. А

потом меня прорвало.

– Ты что себе позволяешь? – надвинулась на бородатого соседа. – Ты по какому праву забрал мои вещи и отпустил автобус? Да кто ты такой, вообще!

Темный взгляд смерил меня почти спокойно. Разве что в самой глубине плескалось что-то непонятное. То ли насмешка, то ли презрение.

– Мне стоило раньше снять тебя с рейса, – порадовал ответом Волков. – Но я решил, что тебе будет понятнее, когда почувствуешь все на себе. Раз уж слова не помогли.

– Ты это о чем? – уперев руки в бока, надвинулась на здоровяка. Наверное, со стороны это выглядело бы смешно. Ну точно Моська и слон. Да только наблюдать было некому. Вокруг поле, трава и снова, поле.

– Как самочувствие? – ответил Волков вопросом на вопрос.

– А что, сам не видел? – съязвила я. – Не иначе, хваленая самогоночка выиграла!

– Да? – он изогнул насмешливо темную бровь. – Хочешь проверить? Садись в машину. Я тебя провезу с ветерком. И посмотришь, что будет!

Это он о чем?

– Хочешь сказать, что меня мутило из-за того, что я уехала из Ложечек? – спросила резко.

Он кивнул.

– Чушь какая! Не надо тут мне сказки рассказывать, – не

унималась я. – В вашу деревню не вернусь! Больно нужен мне этот дар! Я домой хочу! В цивилизацию! К интернету! А не деревенских лечить от поноса и похмелья!

Добрыня улыбнулся.

– Не веришь, тогда садись в машину. Я отвезу тебя в райцентр. Но смотри, если станет плохо, говори сразу. Я только салон недавно вымыл! – проговорил здоровяк и, подойдя к своему авто, почти приветливо распахнул дверцу.

– Отвезешь? – спросила подозрительно, попутно успев подумать о том, что ехать в такой тачке, без остановок и без старушек с козами, будет идеально.

– Я же обещал! Выдержишь, отвезу. Мог бы и в Питер, да у меня живность, – а сам смотрит так, словно уверен – далеко мы не уедем.

– Вот и отлично! – вызов был принят. Я решила, что буду сильной, что потерплю! Ну ведь на самом деле, не могла меня бабкина сила привязать к Ложечкам?

Нет! Верить в подобное не хотелось. Я домой хочу! А не прозябать в деревне.

Глава 4.

Волков занял водительское место. Внедорожник мягко загудел двигателем и медленно тронулся с места, затрещав шинами по дороге. Добрыня ехал медленно. Сначала я разозлилась. В машинке было столько лошадиных сил, а он плетется, будто багажник забил куриными яйцами на продажу. И только, когда мы проехали с километр, поняла, почему мужчина поступил именно так.

– Проклятье! – прорычала я, когда тошнота стала невыносимой. – Останови!

Жуткое состояние только ухудшилось. С каждым метром, который отдалял меня от Ложечек, становилось просто невыносимо.

Добрыня не остановился. Вместо этого он резко развернул автомобиль. Мы подпрыгнули на ухабе сбоку от дороги. Но миг и вот соседushка уже мчит меня в сторону Ложечек. Именно мчит, а не ползет беременной улиткой. И, о чудо! Как не прискорбно признавать подобное, но это помогло. Чем ближе мы были к проклятой деревне, тем легче мне становилось дышать. Тошнота отступала, головная боль тоже.

Я открыла окно и вдохнула полной грудью свежий сельский воздух, отметив в зеркало дальнего вида шлейф пыли за авто.

– Лучше? – осведомился Волков, покосившись на меня.

– Ага, – без особого желания призналась я.

– В деревне вообще отпустит, – порадовала меня сосед. Вот уж, действительно, счастье привалило. Куковать тебе, Лисса, в Ложечках до скончания веков сидя на лавке рядом с дедом Степаном и поглощая блины да пироги Марусиного изготовления.

Боже! Ну почему нельзя отмотать назад время! Да я бы в эту деревню ни ногой!

Гори оно синим пламенем, бабкино наследство!

– Потом будет легче, – продолжал радовать меня Добрыня. – Поживешь в деревне, освоишься, примешь силу, как полагается, и сможешь уезжать далеко. А со временем...

– На старости лет дотяну до Мальдив, где и умру от радости, что смогла вырваться из Ложечек, – язвительно перебила Волкова.

– Про Мальдивы не знаю, – криво усмехнулся он.

– Теперь и я не узнаю, – вздохнула печально, высунув руку в окно.

Машина снизила ход. Сообразив, что мне стало лучше, Добрыня перестал так гнать и теперь мы ехали на обычной сельской скорости. Я же, стиснув зубы, призадумалась.

Да, та еще ситуация. Придется разбираться и искать выход. Но только не паниковать! Ни в коем случае! И не мое это, сопли растирать по щекам. Да, неприятно. Да, чертовски обидно. И хочется сходить на могилку к бабе Симе, чтобы высказать ей все, что думаю про ее поступок. Подло. Вот се-

рзезно, подло. Ничего мне не сказав, вот так «одарить». По сути, ей, скорее всего, было плевать на меня, на мои мысли и чувства. Не зря папа ее не любил! Теперь я это понимаю.

Могла хотя бы предупредить! Хоть как-то! Ну хоть что-нибудь сказать! Или записку посмертную оставить в конце концов! Так нет. Молча померла, завещав мне то, что мне не нужно.

Я покосилась на Волкова. Он следил за дорогой, которую, не сомневаюсь, отлично знал. В голове вспыхнуло несколько вопросов, которые стоило задать еще вчера. Да не до того было от свалившегося на меня «счастья». И все же, спрошу. Лучше позже, чем никогда.

– А ты откуда про все это знаешь? Почему баба Сима с тобой поделилась своей тайной? – а сама посмотрела на четкий и, что греха таить, красивый профиль мужчины. – Не думаю, что у ведьм принято вот так налево направо болтать о своих способностях.

– У нас вся деревня знала, что Серафима ведьма. – Сказал и даже не посмотрел в мою сторону, а я вот почувствовала, что Волков что-то не договаривает. И то, как он запросто общался с Марусей. Очень сомневаюсь, что домовиха так запросто показывается любому в деревне? Напротив, уверена, она скрывается, иначе не ходила бы вне дома в виде кошки.

– Ты не вся деревня, – сделала вывод. – Я же права? Ты что, ведьмак? – выдала предположение и тут машина поймала ухаб.

Подпрыгнув на сидении, осознала, что попала в точку своим вопросом. Добрыню выдал этот ухаб. Прежде он вел отлично, лавируя между рытвинами и ухабами на дороге. А тут поймал! Не вяжется никак.

– Что? – уточнила, продолжая смотреть на Волкова. – Я права.

Он несколько минут молчал. Вдали показались поля. За ними показалась деревня, соседняя с Ложечками. Мне становилось все легче. И это придало сил.

– Я не ведьмак, – наконец, ответил мужчина.

– А кто? Крупный домовый? – пошутила я. Надо же, жизнь меня атата по мягкому месту, а я еще шучу!

– И не домовый. – Он перестал смотреть на дорогу. Повернул ко мне лицо, чуть снизив скорость. И произнес: – Я – колдун.

– И какая разница между ведьмаком и колдуном? – уточнила, вопросительно изогнув бровь.

– Для тебя, думаю, никакой. По крайней мере, пока, – последовал ответ.

– Интересно же! – протянула. – Да и хочется отвлечься, чтобы не думать о бесславном возвращении в Ложечки.

Волков хмыкнул.

– По сути, колдун и ведьмак имеют общие корни в магии. Только ведьмаком становятся, пройдя определенный обряд, – смилостивился мужчина, – а колдунами уже рождаются.

– Вот как! – я развернулась удобнее и теперь смотрела на Добрыню сидя полубоком.

– Мои предки, по мужской линии, наследуют дар, – он не смотрел на меня. Казалось, дорога завладела вниманием соседа целиком и полностью. Но я чувствовала, что это совсем не так. Просто Добрыне не хотелось рассказывать о себе. Тот еще тихушник!

– И что, ты тоже к деревне привязан, как я?

Он рассмеялся.

– Нет. Я могу ехать куда и когда захочу.

– Это что, мне одной так повезло? – разобиделась от его слов. – Получается, это только на ведьм распространяется? Или я чего-то не понимаю?

Добрыня вздохнул.

– Василиса, это не машинный разговор. У тебя в доме есть книга, в ней на многое есть ответы. И открыть, к слову, ее можешь только ты. – Тут он повернулся ко мне. Темные глаза скользнули по щеке, и я почти физически ощутила этот взгляд. Моргнула не понимая. – К слову. Выносить книгу из дома запрещено. Предупреждаю сразу, чтобы не натворила ничего такого, о чем потом пожалеешь.

– Божечки! Одни загадки! – пробормотала я.

Мы проехали деревеньку и теперь направлялись к Ложечкам. Еще несколько минут и мы дома. Точнее там, где теперь мой новый, увы, нежеланный, дом.

– Маруся все расскажет, на все вопросы ответит. Она старая домовиха. Много видела, и хозяйек сменила столько, что сама, наверное, не помнит.

– Как же мне не хочется в это вляпываться! – простонала я.

– Уже, – отрезал соседка. – Вляпалась.

– Не по собственной, заметь, воле!

– Заметил, – рассеянно кивнул мужчина.

– Слушай, – новый вопрос вспыхнул в голове. – А кто еще существует, ну, кроме ведьм, колдунов и домовых? – не скажу, что сильно разбираюсь в мифологии славян, но про водяных, русалок, нимф и дриад слышала.

– У тебя в книге огромный бестиарий, – порадовал ответом Добрыня.

– Огромный? – уточнила, холодея от ужаса. – Это что значит?

– А то и значит, что на свете много чего такого, о чем ты прежде даже не имела представления, – Волков снова сосредоточился на дороге. И уже скоро мы проехали остановку в Ложечках, а потом и дом деда Степана. К слову, последний сидел на своей лавке у калитки и дымя табачком, помахал нам рукой, явно не удивившись тому, что я вернулась в деревню. Да еще и в компании местного колдуна.

Ну не жизнь, а сказка, стоит только осмыслить происходящее.

Прямо, в некотором царстве, некотором государстве,

блин!

Сосед остановил внедорожник рядом с калиткой. Я выбралась не дожидаясь, когда в нем проснутся изысканные манеры. Волков выбрался из салона и извлек на свет божий мои сумки, достав их из багажника.

Маруся была тут как тут. Кошкой запрыгнула на забор и мявкнула, глядя, как Добрыня открывает калитку.

– Вот, – сообщил он домовихе. – Беглянку вернул.

Кошка спрыгнула мне под ноги, запрокинула голову и посмотрела так, как могут смотреть только эти животинки. Одновременно упрекая и радуясь.

– Пойдем в дом, – Волков занес сумки, оставил за порогом и засобирался к себе. Но я проворно перегородила телом выход, раскинув руки в стороны. Маруся прошмыгнула у меня меж ног и кубарем прокатившись по полу, поднялась на ноги уже домовихой, сбросив облик кошки.

– Это еще что значит? – уточнил сосед, глядя на мои руки, ставшие живым шлагбаумом.

– Хочу все знать. Расскажи, а потом уйдешь, – и посмотрела на Марусю. – Тебя это тоже касается. Вы оба уверены, что нет возможности избавиться от этой... – я замолчала, подбирая правильное слово, а потом ляпнула, – привязки к дому!

Волков вздохнул.

– Почему колдуны не привязаны, а ведьмы должны на одном месте жить? Что за дискриминация, а? Или это только

мне так повезло? Ну, что молчите? – опустила взгляд на домовиху, затем подняла на колдуна. В темных глазах Добрынюшки мелькнуло что-то этакое, что будь я менее отважной, уже бы дала деру, или, хотя бы, уступила путь-дорожку. Но я была зла. Раздосадована на весь мир и в особенности на Ложечки, а потому решительно стояла на своем.

– Я не собираюсь читать ваши книги. Вижу по глазам, что вы оба знаете ответ. А потому никто отсюда не выйдет, пока мы не поговорим, – вздернув нос, распрямила узкие плечи на что соседushка только хмыкнул. Ох, ему меня отшвырнуть раз плюнуть. Но нет. Вздохнув, Волков прошел в гостиную и уронил тело на диван.

Домовиха посеменила и забралась, устроившись рядом.

– Ну, спрашивай, – мрачно произнес Добрыня. – Что знаю, расскажу. А что не знаю, то Маруся дополнит, или потом в книге прочитаешь.

Ну хоть так. Маленькая, хилая победа слабого над сильным.

Я прошла следом за колдуном. Но не села. Так, возвышаясь над мужчиной, чувствовала себя немного увереннее.

– Рассказывайте, что у вас в Ложечках творится и какие дела тебя с моей бабкой связывают, – начала беседу, надеясь постепенно выудить из этих тихушников правду-матку.

– Работали мы с Серафимой. Тут и скрывать нечего. Я калечил, она лечила, – просто сказал соседushка.

– То есть? – не поняла я.

– А что непонятного. Колдуны не целители. Мы с нечистью боремся, если светлые.

– А ты светлый?

– Светлее не бывает, – как-то неубедительно отозвался бородач.

Слова про нечисть счастья мне не прибавили. Еще не хватает мне теперь видеть всех этих русалок и лешаков. Брр... даже представить страшно.

– Сима, когда померла, силушку-то свою заперла на чердаке. Только наследник мог открыть дверь. И только наследник мог прикоснуться к книге, – проговорила Маруся. – Ты наследница. Тяперь здесь все твое. И я твоя.

– Эту песню я уже слышала. Вы мне что-то новое спойте, – потребовала, так и не убрав руки с талии. Мне казалось, что эта поза придает мне важной значимости и решительности. – Лучше расскажите, почему ведьмы привязаны к своим домам. Я вот не желаю здесь жить.

– Но и уехать не можешь. Должно пройти время. Ты должна принять и освоить силу. Тогда станет легче, – Добрыня откинулся на спинку дивана и скрестил на широкой груди крепкие руки. Да еще и закатал рукава, да так, что я невольно залюбовалась. Что скрывать, мужские руки были для меня чем-то сексуальным. Именно такие, как у бородача. Сильные, с тонкими пальцами. Кроме рук мне еще и ягодицы нравились. А у Волкова и там было все в порядке. Я уже успела оценить. Но это я отвлеклась!

– И сколько мне прозябать здесь, прежде чем смогу хотя бы в соседнюю деревню спокойно сходить? – уточнила.

– Месяц, или три, – отозвалась домовиха. – Все от тебя зависит.

– И это всем ведьмам такая напасть выпала?

– Ну... – как-то странно протянула Маруся.

– Нууу, что? – я уронила руки вдоль тела и присела на корточки, чтобы быть на одном уровне с малышкой.

– Не совсем, – быстро ответила она, сверкая золотыми глазами. – Просто над родом Серафимы проклятье лежит. Привязали их вот так, к этому дому, так вот. Еще сотни две лет тому назад. А прежде разъезжали куды хотели. А потом такая вот беда стряслась. Пра-пра-прабабка ваша, ведьма знатная была. Да дорогу перешла той, которая более сильная была. Старая то история. Когда-нить расскажу, коли будет интерес.

– И что, проклятье никак снять нельзя? – час от часу не легче!

– Да мне пошто знать, Васенька? – передернула плечами домовиха. – Мне об таком никто не рассказывал. Может в книге што скрыто. Так книгу только хозяйка ейная открыть может. Нам, домовым, трогать ее нельзя без позволения. А мне прежде никто не позволял и пальцем прикоснуться к книге. Разве что пыль стирала. И то раз в десяток лет.

Я повернула голову к колдуну. Добрыня сидел молча. Лицо такое, будто его пытаются каленым железом.

– А ты что-то знаешь про это проклятье? – взлелеяла надежду.

– Мне-то откуда знать? – ответил он и как показалось честно.

– Понятно. – Я встала.

– Ну что, допрос окончен? – Добрыня последовал моему примеру.

– Э, нет! – подняв руку, положила ее на грудь колдуна, толкая мужчину. – Не так быстро. – И толкнула еще раз, но соседushка и глазом не моргнул. Так и стоял, хмурясь.

– В ногах правды нет, – сделала попытку. Но бородач проигнорировал и это.

– Хорошо. Немного разобрались, – вздохнула я. – Чего мне теперь ждать от этого дара? Это хоть рассказать можете.

– А время покажет. Сила скоро пробудится, – заверила меня Маруся и улыбнулась, сообразив, что новая хозяйка останется. – Книгу почитай. Там рецепты есть, и все-все про травушки. Но тут я тебе помогу. Я многое умею. И заклинания некоторые знаю.

– Уже легче, – попыталась пошутить. – А что с нечистью? Что ты там говорил о том, что убиваешь ее? – обратила взгляд на колдуна.

– Нечисть, Василиса, разная бывает, – ответил он. – Есть совершенно безобидные, такие как домовые, лешие, банники и прочие. Если их не трогать, не обижать, то милейшие создания. Но есть и такие, с которыми шутки плохи. Вурдала-

ки, к примеру. Здесь их хватает. Конечно, они редко выходят к домам. Предпочитают обходить деревни стороной. В городах им привольнее. Пищи много. – Волков зловеще сверкнул глазами. А я сглотнула вязкий ком.

– Вурдалаки?

– Ага. Кроме них водяные, русалки, кикиморы, анчутки, Баба Яга, волколаки, шишиги, лихо, болотники, черти и прочие неприятные товарищи. Долго перечислять.

У меня даже челюсть отвисла.

– И что, все они настоящие? – пробормотала неуверенно. – Все существуют? – о некоторых тварях я даже представления не имела.

– Существуют. Особенно упырей много развелось. Но, как я уже говорил, кровососущие и оборотни больше в городах оседают. Город для них как маркет для людей.

Мне снова подурнело. Маруся, заметив это, спрыгнула с дивана и взяла меня за руку. Для этого домовихе пришлось привстать на носочки. Она потянула меня к дивану и усадила.

– Добрыня! Шож ты сразу на нее все выплеснул! Нельзя так! Она и так вона как отреагировала, когда про ведьмовство свое узнала. – И уже обращаясь ко мне, спросила ласково так: – Может, самогоночки, Вась, а? Для успокоения нервов?

– Вы здесь все проблемы самогоночкой лечите? – заподозрила неладное.

– А что? Дело хорошее, – кивнула домовиха. – Тем более, моя то заговоренная. От нее не сопьешься.

– Нет, спасибо, – я покачала головой. – Не мой метод.

– Тогда могу травок заварить! – не отступала Маруся. Она явно хотела помочь, только я сильно сомневаюсь, что самогоночка и травки исправят ситуацию. Я оказалась в сказке, которая совсем не сказочная.

– И что, – посмотрела на Добрыню. – Я теперь смогу видеть всю эту нечисть?

– Да. И не только видеть. Кто-то явится за помощью. Сима лечила не только людей и животных.

– Но как? – я даже развела руками. – Я-то ничего не умею!

– Само придет. – Маруся пристально и доверительно посмотрела мне в глаза. Словно пытаюсь загипнотизировать. То еще чувство.

– А не лечить я не могу? – спросила с надеждой.

– Силе будет нужен выход. В себе ее копить нельзя. Излишки зашалят! – порадовала меня домовиха.

– Как это зашалят?

Волков вздохнул. Затем быстро и четко проговорил:

– Сейчас в тебе светлая сила, целительская. Но ведьмы бывают разные. Если ты не будешь помогать и направлять свой дар в нужное русло, твоя сила изменится. И ты станешь темной.

– Боже, – выдохнула я. – Обложили со всех сторон! Вы мне выбора не оставили!

– У тебя его изначально не было. Ведьмовство в твоей крови, – заверил меня Волков.

– Ага! – даже разозлилась. – Не войди я на чердак, не открой дверь...

– Сила не должна быть бесхозной, – безапелляционно сказал колдун. – Да, я мог остановить тебя. Но сделай я это, совершил бы большое зло. А я со злом призван бороться. – Мужчина вздохнул. – Ты просто еще многого не понимаешь, Василиса. Все придет со временем. Думаю, на сегодня с тебя и правда хватит информации. Марусь, – он перевел взгляд на домовиху. – Накорми и отведи спать. Пусть полежит. Может уснуть получится. Тебе это нужно, – и кивнув, направился к выходу. И на этот раз останавливать Добрыню не стала. Наверное, он прав. Мне и так есть над чем поразмыслить.

– А я вещи поду разбюру! – едва за Волковым закрылась дверь, Маруся поспешила заняться делом. Следя за тем, как она тащит мою сумку в сторону спальни, грустно вздохнула.

Не отпустили меня Ложечки. Надо родным позвонить и сообщить, что задержусь в деревне. Мама, конечно, удивится. Но придется соврать. Сказать, что, дескать, чистый воздух и экология пришились мне по душе. Правду пока надо скрыть. Да и как объяснить то, в чем пока сама не разбираюсь?

– Вот это я попала! – прошептала, опустив глаза.

– Шо то совсем у тебя, Вася, одежонок мало. У нас даже бабы на деревне и то поболе нарядов имеют, – донесся голос

домовихи из спальни.

Я не ответила. Какие наряды? Я в Ложечки приехала на несколько дней. Да и кому тут платья и макияж демонстрировать? Коровам и курам на смех, или этому колдуну соседке?

Поднявшись на ноги, решительно направилась через гостиную. Но не в спальню, где шуршала Маруся, разбирая мои вещи. А напрямик на чердак.

Сна все равно ни в одном глазу. Да и не привыкшая я днем валяться, хоть и городская.

Пришла пора снова открыть фолиант. И узнать, что же такого важного он таит в себе.

Глава 5.

Книга и вправду оказалась весьма интересной. Если бы я прочитала ее и пролистала прежде, чем узнала о своем даре и о том, что в мире существует разного вида нечисть, то решила бы, что это старый сборник легенд и сказаний, или что-то наподобие этого.

Поднявшись на чердак, открыла фолиант. На этот раз обошлось без пролития крови, что меня порадовало.

А вот картинки внутри были пугающими.

Пролистав с несколько глав, я вдруг нашла сноску под иллюстрацией, написанную привычным мне добрым русским языком. И почерк был хоть и размашистый, но читаемый.

Написано было чернилами. Всего несколько строк: «...способен обращаться и в человека, и в зверя. Умеет становиться невидимым», – прочитала и я посмотрела на рисунок. Существо, изображенное на странице книги, чем-то напоминало чертика. Оскаленная мордочка, широкие крылья, злобные глазки.

За плечом что-то прогромыхало. Я обернулась и увидела, как Маруся подтягивает ближе табурет. Взобравшись на него, домовиха заглянула в книгу.

– Анчутка, – с пониманием проговорила она.

– Это существо? – удивилась я.

– Ага.

Бросив еще один взгляд на нечисть, снова обратилась к домовихе.

– Марусь. Я вот только одно понять не могу. В книге, за исключением некоторых поправок, все написано рунами или чем-то подобным. Как мне это читать, если я языка не знаю.

Золотые глаза сверкнули. Маруся всплеснула руками и прыгнула с табурета.

– Ох ты ж! – заголосила она. – Я жеж забыла за всеми этими переживаниями! У меня жеж зелье нужное есть. Серафима то строго велела дать его тебе, когда дар-то получишь.

– Что еще за зелье? – я присела на корточки, с интересом глядя на домовиху.

– Особенное оно! Выпьешь и книга откроет для тебя все свои тайны! – Маруся бросилась вон с чердака. Я встала, посмотрев ей вслед. Сообразила, что это самое зелье, видимо, откроет мне способность читать фолиант!

Интересно, а английский и прочие языки тоже можно вот так выучить, выпив травки? Впрочем, пить зелье, или нет, тот еще вопрос. Страшновато. Как бы дому и домовихе не пришлось после новую наследницу искать.

Маруся вернулась быстро. Поставила на табурет пузатый чайничек и рядом с ним колбу и кружку.

– Вот! – почти радостно заявила домовиха. – Щас все сделаю, – и налила в кружку чаю из заварника. Затем туда же добавила странную жидкость из колбы. Перемешала все ложечкой и протянула мне со словами: «Пей и откроется тебя

тайна великая языка мертвого!».

Прозвучало совсем не заманчиво. Даже напротив.

– Марусь, – проговорила я, – а ты уверена, что это не опасно?

Домовиха даже глаза закатила.

– Што ты! Што ты, Васенька! Я вона даже по запаху чую – одни травки, да одна другой полезнее. Ну и волшбы маленько. Иначе никак. Без волшбы это просто чай травный будет. Так што пей. – И сунула мне кружку в руки.

Ага. Легко ей сказать, пей!

Понюхав варево, поболтала его в кружке. Цвет был приятным. Запах тоже.

Сделав глоток, поняла, что и вкус хороший. Ну словно чай с лимонником и малиной. Разве что, горчит самую малость.

– А ничего так зелье, – проговорила и, решившись, допила все одним залпом. Вернула кружку домовихе, уточнив: – Это все? Баба Сима больше ничего не просила выпить, съесть? Может мне, для закрепления эффекта, надо ночью танец с бубном изобразить при полной луне?

– Зачем? – искренне удивилась Маруся. – Нет, Васенька, ничаво этакого не нать. – А потом спросила с интересом: – Чуешь шо-нить?

– Чую, – призадумавшись, кивнула я. И ведь, действительно, не обманула. Чуюла. Да еще и как.

– И што? – уточнила домовиха.

– Что в уборную мне надо, – ответила я. – Сейчас вернусь. Мигом.

– А? – не поняла Маруся. Но я уже бежала вниз по ступеням. Бодренько так. Подпрыгивая

Ой, зря я раньше времени похвалила зелье.

Знаний пока не прибавилось, а в животе беда. Ну ничего. И с этой бедой я справлюсь. Пусть она окажется самым страшным, что случится со мной в Ложечках!

С книгой просидела до поздней ночи. Читиво оказалось занимательным. Правда, читала я только сноски, написанные любимым русским языком. А зелье... то ли оказалось недейственным, то ли бабка Сима забыла к нему волшебку приложить. Но руны по-прежнему оставались для меня скрыты. Значки и ничего больше.

Маруся, принеся мне ужин на чердак, снова заняла излюбленный табурет и болтая ногами в воздухе, заявила:

– Серафима хорошие зелья варила. Завтра тебя накроет. Все знаки понимать станешь. Ведь оно как? Утро вечера мудренее.

– Ага, – кивнув, рассеянно пролистала страницы с рунами и остановилась на очередном изображении. Это было чудище, каких поискать. Похож на дракона. Но на иллюстрации сбоку изображен висящим вниз головой, словно летучая мышь.

– Марусь, а это кто? – поманила я домовиху.

Она забралась с ногами на табурет, бросила быстрый взгляд на монстра и не задумываясь ответила:

– Василиск это. Но не бойсь, Вася. Добрыня такого на одну ладонь покладет, другой прихлопнет.

Я фыркнула.

– Василиск, говоришь? Почти тезка мой. А так, на дракона похож.

– У нас они уже не водятся. Давно их извели, исчо Добрынюшкины предки.

– А он что, давно здесь живет, в Ложечках?

– Да вот осел уже годка с три как, – последовал ответ. – А так колесил по миру. Нечисть бил где пакостничала. Он жеж не гляди, что такой суровый. Добрый он. Живность любит. Меня вон приветил, пока дом закрытым стоял. И за огородом ухаживал, хотя не просила его об том Серафима. Не очень они с ней ладили.

– Волков мне другое говорил, – я даже отвела взгляд от Василиска.

– Дык он и не скажет. Серафима его боялась. Думала, конкурент он ей. Да и нечисть, шо приходила лечиться, колдуна-то стороной обходили. А кто чуял, так и вовсе мимо шли, искали кого другого. Для ведьмы колдун сосед плохой. Отваживает этих, – она задумалась, явно припоминая какое-то слово. Затем, вскинув палец, добавила: – Клиентов, значит.

– А что, к бабе Симе и плохие приходили? – догадалась я.

– Как жеж! И они тоже. Она отказать-то не может, коли

они слово заветное скажут. Да и темные платят лучше. Даже чем те, шо из городов приезжают.

– Вот как! – пробормотала я. Просто день открытий. Я еще и заработать смогу, получается, ну, когда освою дар.

Захотелось рассмеяться. Кажется, эти Ложечки на меня оказывают странное влияние. Вот уже подумываю о том, чтобы практикой заняться. А еще утром деру дала.

А может, это еще и зелье диарейное влияние оказало, чтоб ему... Как вспомню, так вздрогну. Не зря говорят, что за все надо платить. Хотя обещанных знаний пока не наблюдалось. Одно расстройство, как ни крути.

Тут я мысленно улыбнулась.

– И чем платят эти клиенты? Водяные рыбой, лешие ягодами да грибами? – уточнила, глядя на свою так называемую кошку.

– Э, не! – рассмеялась домовиха. – В лесах жеж клады есть. Да и вода не бедствует. Золотишко у нечисти водится. Так что за помощь проси деньги.

– Разбогатею! – протянула я, не зная, смеяться или плакать от свалившегося на меня потенциального заработка.

– Тока сперва учиться будем, – кивнула домовиха.

– А то как жеж! – в ее манере ответила я и Маруся фыркнула, уже совсем по-кошачьи.

– Ну на сегодня, думаю, все, – я решительно вернулась к книге и закрыла ее, проведя невольно рукой по корешку. Знания утомляют. А день и так был слишком насыщенный.

– Может травок успокоительных перед сном, чтобы спалось хорошо? – предложила моя помощница.

– Нет. Я и без травок усну, как без задних ног. Только душ приму.

Мы вместе покинули чердак. Закрыв двери, спустилась в спальню. Прихватила сменное белье и просторную футболку, направилась в душ. Когда вернулась, грязное белье исчезло. Кровать была расстелена и приветливо ждала меня. Не иначе Маруся постаралась.

Прежде чем лечь, выглянула за дверь.

Маруся мыла полы, и я невольно вспомнила нашу первую встречу, когда я приняла ее за страшного карлика-маньяка. Невольно улыбнувшись, произнесла:

– Марусь, белье верни. Я его сама стираю.

Домовиха вскинула голову и посмотрела на меня.

– Чаво это? Я привыкшая.

– Ну, остальное стирай, если есть желание. А белье я сама, хорошо? – Ну не люблю я, чтобы к моему белью прикасались. Слишком это личное. Доверить могу только своими руками и стиральной машинке. Которой, к слову, здесь как раз нет.

Если подумать, то в доме много чего не хватает. И стиралка – только начало, если придется остаться в Ложечках. А остаться придется. Хочу я того, или нет.

Да, конечно, я была зла на подобные обстоятельства. Зла на бабушку Симу, немного на Марусю и даже на колдуна. Где-

то в глубине души понимала, что у каждого из них, возможно, было оправдание, но мне от этого не становилось легче. Только истерика, крики и скандал все равно не помогут. А потому, зачем тратит силы и нервы в пустоту, если можно найти им более полезное применение.

Например, найти способ снять проклятье.

Да, пока это было призрачно и под большим вопросом, но я девушка упертая. Плоха та лягушка, которая, упав в молоко, перестает бить лапками.

– Спокойной ночи, Марусь! – произнесла я.

– Ступай спатушки, Вася! – кивнула в ответ домовиха и продолжила уборку.

Вернувшись, увидела на постели свое белье. Хмыкнула, подумав, как это Маруся сделала. Но потом вспомнила, что у домовихи есть магия.

Ладно. Утром постираю. А пока спать, спать и еще раз, спать. Новый день принесет новые силы и идеи. И прочь из головы всю эту нечисть.

Укрывшись легким одеялом, закрыла глаза и без всяких травок провалилась в темноту.

Выспаться не удалось. Я проснулась посреди ночи от странного звука, словно что-то, или кто-то, царапался в окно.

Резко сев на кровати, открыла глаза, прислушиваясь к обрушившейся тишине. Впрочем, тишина не была полной.

Где-то стрекотали какие-то непонятные насекомые. Ухнула птица. Ветер пошевелил листья на дереве, что росло почти сразу за окном в паре-тройке шагов в сторону.

– Что это? – пробормотала я и, откинув одеяло, свесила ноги вниз.

Звук повторился, но уже не на моем окне. Но это определено было.

Первая мысль снова бежать к Добрыне. Но немного пораскинув умом, решила, обойдется.

Спрыгнула на деревянный пол и вышла из комнаты.

В гостиной было чисто и пахло свежестью, о которой «Тайд» и прочие вещества могут только мечтать. Было темно, но я уже знала, где находится выключатель. И минуту спустя комната озарилась светом электричества.

– Ась? Штось?

Я даже подпрыгнула, когда домовиха появилась просто посреди комнаты. Сонная, нечесаная, без своего привычного платка, она походила на косматый шарик шерсти с большим носом и сонным взглядом.

– Марусь! Кто-то под домом бродит! – шепнула я, наклонившись к домовихе.

Она протерла кулачками глаза и прислушалась. Почти в тот же миг в дверь требовательно постучали. Я даже подпрыгнула, аки козочка, от этого жуткого звука. По спине пробежал липкий холодок, а колени мелко задрожали.

– Эге! – только и сказала Маруся. – А вот и первый кли-

енть, — коверкая непривычное для нее слово, проговорила домовиха.

— Кто? — я даже села на диванчик.

— Клиенть, говорю. Щас открою. Сама поглядишь. Тока ж мы ему покась помочь вряд ли сможем. Ты еще не научена. Ну поглядим, поглядим, — она сделала в воздухе пас руками, словно хотела пригласить топырившиеся в разные стороны волосы, и словно из неоткуда извлекла платок. Пока шла, успела его подвязать, а после плечиками передернула и облачилась в синий сарафан, наподобие того, который днем носила.

Я только рот открыла от такого чуда, да так и осталась сидеть, потому что в дом вошел «клиенть».

Что и говорить, на первый взгляд, выглядел он как человек. Ну это только на первый, потому что уже второй взгляд показал, что ночной гость таковым не являлся.

Он был высоким, явно мужского пола. Широкие плечи, длинные ноги, худощавый и какой-то резкий. Одетый в старинного покроя наряд с плащом за спиной, скрепленным фибулой под горлом. Все это как бы было нормальным. Ну мало ли, вдруг мужик сбежал со съемок сказки? Или ужастика.

А вот голова...

— Боженьки, — встав, проговорила я, но тут же сделала невольный шаг назад. Но за спиной был диван. Бежать некуда. — Это кто?

Голова у мужика была абсолютно лысая и почти без кожи. То еще зрелище.

В глазницах болтались глаза. Казалось, они плавают в пустоте, держась на добром слове, или на каком-то тумане. Иначе это не назовешь. Дырки носа, лишённого крыльев, светились чем-то красным. Ну ни дать ни взять, внутри таилось пламя. Безгубая дыра вместо рта, щерилась на удивление крепкими зубами. Белыми такими, острыми.

– Здрасте! – проговорила я, догадавшись, что это нечисть. Знать бы еще, какая! И Маруся, как назло, молчит, тоже тащится на лысую голову. Правда, в отличие от меня, в ее взгляде что угодно, кроме страха. Она точно знает, кто пришел.

– Батюшки! – произнесла моя домовиха. – Кащеюшка!

Вот-те на. Право слово, была бы я послабше, тут же грохнулась бы в обморок. А так... В общем, устояла на своих двоих.

– Приветствую, Маруся Игнатьевна! – он кивнул моей домовихе, затем переместил взгляд, полный пустоты и тьмы на бедную меня. – Вот, почуял силушку. Понял, что дом снова занят. И как раз вовремя. Но сначала хочу засвидетельствовать свое расположение новой хозяйшке, – и вся эта лысая жуть, гремя костями и скалясь клыками, двинулась на меня. Впору было начать орать. Причем слова для ора подбирались в голове совсем неприличные. Сплошные маты.

Сама не знаю, как удержалась. Проглотила вопль и ик-

нула. А Кашей, он же, видимо, Бессмертный, уже подошел так близко, что руку принялся тянуть ко мне. То ли хотел облобзать мою, то ли просто пожать. Но так, или иначе, мне очень хотелось избежать прикосновения, потому как, при более тесном рассмотрении, рука у него тоже оказалась без кожи и прочих приятностей. Просто кости. Суповой набор, на который и дворовой Шарик без тоски не взглянет.

– Кашеюшка, – прокашлялась Маруся за спиной гостюшки. – ты это, облик-то сменил бы! Неча мне девку пугать. Она и так городская, к вашему брату непривыкшая. Ишь, уже икает с перепугу. – А потом сообщила мне, выглянув из-за плаща нечисти: – Не бойсь, Вась! Он свой. Давно уже не лютует! Договор у него с Добрынюшкой. В Ложечках ведет себя хорошо. Не бойсь.

– Мама родная, – я посмотрела на костлявую руку. А Кашей, посрамленный домовихой, спохватился и руку отдернул, сказав:

– Ох, Маруся, твоя правда. Забылся я. – И вдруг отряхнулся, словно пес, выбравшийся из воды, и начались чудеса, к которым мне еще привыкать и привыкать. Потому как, спустя секунду, вместо страхолюдины с костями, в гостиной появился молодой и очень привлекательный мужчина.

Я снова икнула, а потом даже вздохнула с облегчением. Так точно было намного лучше.

Кашей оказался красивым черноволосым парнем лет двадцати семи на вид. Нет, я, конечно, прекрасно понимала,

что в действительности ему намного больше. Лет так на триста-четырееста. Или сколько там существуют сказки на Руси? Но даже осознавая, что передо мной прикрытая магией древность, чувствовала себя лучше, глядя на нормальное лицо, а не на череп.

Значит, с Добрыней у этого товарища мир, хлеб, соль? Ну теперь понятно, почему бородач не прискакал на лихом коне и с шашкой наголо, чтобы спасти девицу в беде! Я не сомневалась, что Волков, как колдун со стажем, нечисть чувствовать должен. Иначе, какой с него колдун. И все же, мог бы прийти, чтобы успокоить нервную соседку, не привыкшую к таким гостям.

– Попробуем еще раз? Первое знакомство, как первый блин, комом! – Кащей улыбнулся и теперь его зубы стали обыкновенными, разве что, слишком белыми. Ну просто как у звезды экрана после посещения дорогого стоматолога. Нет, ну вот что стоило ему сразу прийти в таком виде, а не этим экспонатом из кабинета биологии? Заявился, напугал! И избавиться от первого впечатления сложно. Перед глазами все еще стоит жуткая ухмыляющаяся черепушка и тьма в глазах, текущая, словно туман.

– Василиса, – все же протянула руку для пожатия, но злодей из сказок проворно обхватил мои пальцы и прижался к ладони губами, на удивление, теплыми.

– Кащей. Он же – Бессмертный.

– И что, смерть в яйце, яйцо в ларце? – осведомилась. Ну

так, чтобы знать на будущее.

Отпустив мою конечность, парень улыбнулся и ответил:

– Нет. Я давно уже все перепрыгал. Так надежнее.

– Ага! – кивнула рассеянно. А про себя подумала: «Жаль!». Не то, чтобы я стремглав бросилась искать утку и ларец, но все же, приятнее иметь компромат на такого знакомого.

– Я пришел не просто познакомиться, – продолжил Кашей.

Посмотрев в его глаза, отметила, что они теперь единственное, что выдает в госте не человека. Глаза были черными, как ночь, а зрачок желтым и чуть светящимся.

– Захворал? – с пониманием спросила домовиха.

А я даже глаза вытаращила от удивления.

Это что получается? Бессмертные тоже болеют?

Вместо ответа парень вздохнул. А мне даже интересно стало, что может болеть у бессмертного? Нет, ну правда, что? Хотя толку знать ответ, если я все равно помочь не смогу. Я без году неделя, как ведьмой стала. Мертвый язык и тот не спешит открыться. А тут сразу лечить.

Покосилась на домовиху ища помощи. Маруся, которая оказалась в миру Игнатьевной, мой взгляд поймала и поняла.

– Рассказывай, горемычный, шо за бяда привела тебя к нам, – проговорила она и Кашей, вольготно разместившись на диване, вытянул вперед длинные ноги, приготовившись жаловаться на судьбу-злодейку.

– Значит, так, – сказал он, – каждый вечер за ужином я выпиваю бокал вина в котором держу жабий камень. И вот позавчера так увлекся, вино, знаете ли, было отменным, что этот камень ненароком и проглотил.

– Ох, ты ж! – сочувственно заявила Маруся.

– А что такое «жабий камень»? – спросила я, выдавая с потрохами свою неосведомленность.

Кашей посмотрел на меня с печалью во взоре.

– Штука такая, шоб недруги не отравили, – ответила за гостя моя домовиха.

– Отравили? – я улыбнулась. – Вы же бессмертный! Что вам яд?

Парень кивнул.

– Бессмертный, это факт. Но у нас на носу летняя олимпиада среди, – он замялся, глядя, как мое лицо вытянулось в удивлении, – между нечистью, чтобы вы, барышня, поняли. И я капитан в своей команде «Веселый череп». Сами понимаете, диарея не лучшее для спорта развлечение. Я всерьез опасался интриг конкурентов, и вот-те на!

– Застрял небось? – уточнила Маруся со знанием дела.

Вместо ответа бессмертный парень просто кивнул и лицо у него сделалось такой печальное, просто хоть сама плачь.

– Уже второй день! – кивнул спустя минуту молчания наш гость.

Мы с домовихой переглянулись. Я сразу поняла, что за беда одолела Кашеюшку. Внутри дрогнуло что-то озорное.

Но я подавила смешок, закашлявшись. Не, ну что-то, а такого я совершенно не ожидала от жизни.

– Сам чего-то пробовал? – Маруся явно была настроена помочь. Я бы тоже помогла, знай как. Но увы. Здесь впору было разводить руками. Или бежать в первую аптеку за слабительным. Только я что-то не заметила, чтобы в Ложечках было что-то подобное. Видимо, баба Сима здесь была одна за всех, и все на одну.

– Пробовал, но ничего не помогло, – сокрушенно покачал головой молодой и красивый Кашей.

– Ладно. Подсобим, – Маруся посмотрела на меня. – Пойдем, Василисушка на чердак. Зелье готовить.

– А? Что? – удивилась я. Вот так сразу? И готовить?

– Пойдем, пойдем! – домовиха подтолкнула меня ладонью под колено, а сама обернулась к сказочному персонажу, велев: – А ты, Кашеюшка, туточки посиди. Обернемся скоро, моргнуть не успеешь.

Он кивнул, а мы с домовихой наверх потопали.

Уже внутри, закрыв за помощницей дверь, я проговорила:

– Маруся, тебе готовить зелье придется. Я же не умею. Я такое приготовлю, что и бессмертный умрет!

– Так я и не говорила, что тебе придется. Просто постоишь, поглядишь, да поучишься. Зельюшко легонькое. Для первого разу оно самое годное.

Тут она направилась прямиком к стене, где травы суши-

лись и банки на полках стояли. Придвинув табурет для удобства, принялась отрывать где-то веточку, где-то листик, а где и корешок отламывала. Все это подавала мне и приговаривала, что да как называется.

Из всего перечисленного знала я только про мяту и про иван-чай, а вот названия иных слышала впервые, что и не удивительно для городского-то жителя, привыкшего к ромашке и зверобою. Ну разве что еще про кору дуба слышала и липу припомнила. Но не эти, которые мне называла Маруся. Даже сейчас повторить тяжело.

– Ты уверена, что все это смешивать можно? – уточнила я, когда вместе с травками мне на руку упало крыло летучей мыши, высушенное до мумифицированного состояния.

– А то! У него же не простой запор, Вася, а...

– Ой, избавь меня от этих подробностей! – замахала я руками. – Я пока не готова к таким деталям.

Маруся рассмеялась и проворно спрыгнула с табурета.

– А теперь на кухню, – проговорила она, да только я застыла, глядя на странный рисунок, изображенный на стене. Прежде я его не замечала. А сейчас он появился, когда домовиха подвинула банки.

– Марусь! – позвала я помощницу.

– Аушки? – отозвалась та.

– А это что? – кивнула на узор.

Она удивленно посмотрела на рисунок и проговорила:

– Не знаю, Василисушка. Впярой вижу! Не было его

прежде, ей-богу, не было! Не иначе, проявилось, когда ты силушку получила. Да за банками было не разглядеть.

– А ты знаешь, что это за знак? Ну, что он может означать? – спросила тихо.

– Знать не знаю. Это же он, мертвый язык.

Тут я отчего-то помянула про себя недобрым словом баб-кино зелье. Знала бы, что оно такое бестолковое, лучше бы Кашею отдала. Ему как раз пригодилось бы. Глядишь, и камень бы выскочил пулей. А так, ни себе ни людям... ну или нелюдям?

Мы спустились вниз. Прошли мимо развалившегося на диване гостя и направились напрямиком на кухню. В этом мире кастрюль и сковородок царил полный порядок. Маруся, подпрыгнув мячиком, шелкнула выключателем и, едва загорелся свет, поспешила к кухонному столу. Вопреки моим ожиданиям, она достала не кастрюльку, а котел. Самый настоящий котел. Подозреваю, он был не ведьмовским, а туристическим, но домовиху этот факт смущал мало. Она включила газ – еще одна радость цивилизации в забытых богами Ложечках! – и, поставив котел, налила в него два стакана воды.

– Родниковая! – похвалилась Маруся, после чего обернулась и посмотрела на меня добавив: – Ты, Васенька, запомни, что самые добротные зелья на енттой водице готовятся. Из-под крана оно не годится никуда. А вашу, в городе, и пить не советую прежде не прокипятив!

Закончив давать мне ЦУ Маруся протянула руку к трав-

кам, которые я продолжала держать в руках.

– Значится, так, – разложив принесенное на столе, домовиха подозвала меня ближе. – Я делать буду, а ты себе, значит, запоминай. После пригодится. Ага. – И, крикнув, принялась нарезать на доске крыло бедной летучей мыши. При чем стругала она его так быстро, словно делала это каждый божий день.

– Травки мыть не надо, – заверила меня бывшая кошка. – Они собраны на Ивана Купала. Сила в них большая. Нельзя волшеббу смывать. Росой они омытые.

Я кивнула. Мол, поняла. Нельзя. Не буду! Вот честно.

Когда вода закипела, Маруся первым делом отправила туда нарезанное соломкой крыло. Потом побросала травки. Вареву забурлило веселее, даже попыталось выкипеть, но домовиха ловко помешивала его деревянной ложкой дав немного побултыхать. После сделала газ меньше и обернулась ко мне.

– Отож и все. Травки, когда я говорила, запоминала, а Васенька?

– Да. Только я не все знаю. И в природе их точно не найду! – призналась, догадываясь, что Маруся и так знает мою тайну. Ну откуда у городской девчонки такие знания? Нет, что-то на примитивном уровне я, конечно, выдам, но не более того.

– Щас остужу, постоит с полчасика и пусть Кашеюшка пьет. Сама подашь гостю, – настояла моя помощница.

Вспомнив о том, что в вареве плавало и булькало сухонькое крылышко, не позавидовала Кащею. Ему это придется пить!

Вооружившись прихватками и зельем, которое домовиха предварительно процедила через марлю, мы важно выплыли в гостиную и застыли. Обе. Стоило услышать громкий и унылый храп того, кто зовется Кащеем Бессмертным.

– Ах ты ж... – вырвалось у меня невольное. Приперся посреди ночи со своим запором, разбудил, напугал, напряг нас обеих готовкой зелья, а сам спит! Нет, вы на него только посмотрите!

Внутри у меня клокотала обида. Хотелось подойти и ухватить нечисть за нос, перекрыв доступ к кислороду. Все равно, бессмертный. Что ему сделается!

Удержалась.

Маруся оказалась более доброжелательной.

– Умаялси! – выдала она. – Ну дык, пушай спит, горемышный. Все равно ждать придется.

– Это нам придется, – передразнивая домовиху, выдала я. – А он спит себе и в ус не дует.

– Подождем. Он жеж как выпьет, так и пойдет лесочками, – шепнула мне Маруся.

– Надо бы узнать, какими он лесочками пойдет, чтобы там не погулять после случайно, – буркнула я, отвечая не сколько себе, сколько собственному, разыгравшемуся воображению.

Мы сели. Маруся притащила два табурета с кухни, так

как диван был занят страдальцем. И, держа в руках остывающий напиток, ждали назначенный час, чтобы разбудить этого...чуду-юду, разводившего такие рулады, что койоты бы позавидовали силе и высоте звука.

Какое-то время я злилась, потом стало смешно. Ей Богу! Кто бы сказал, что я в своей жизни увижу такое, ни за что бы не поверила. А тут и колдун тебе, и домовиха, и Кашей, который Бессмертный, и какая-то тайна, связанная с моим родом, то бишь, проклятье.

Конечно, все это упало слишком внезапно на мою бренную головушку, но в итоге оказалось не так страшно, как на первый взгляд.

Эх, где наша не пропадала!

Мы просидели с Марусей минут пятнадцать, пока она не сказала:

– Все. Буди гостюшку!

Я с готовностью передала ей зелье и подошла к дивану. Наклонилась над спящим-храпящим сказочным персонажем. Во сне он был чисто парень. Симпатичный, даже я сказала бы, очень. В моем большом городе он бы пользовался популярностью у девушек. Да и тут, думаю, отбоя от лешачек и русалок нет.

Ох, ты ж!

Поймала себя на мысли, что уже без дрожи в коленях и икоты воспринимаю новый мир. Но это я отвлеклась.

– Эй! Кашеюшка, – подражая домовихе, позвала бес-

смертного. – Подъем!

– Хррр! – слышалось в ответ. Кащей причмокнул губами и, игнорируя меня, завалился набок, всерьез решив, видимо, обустроиться на нашем маленьком диванчике.

– Вставай, кому говорю! – я набралась храбрости и, ухватив парня за плечо, потрясла.

– А? Что? – ну совсем по-человечески проговорил он, открывая сонные глаза. Блин, ну и что это за Кащей такой маленький?

– Подъем, говорю! Время пить зелье и выпустить на волю "жабий камень"!

Парень сел, потер глаза кулачищами. Зевнул, явив нам с Марусей полный рот зубищ. Домовиха проворно подскочила, спрыгнув с табуретки. Сунула в руки клиенту зелье и командовала:

– Пей. А потом плати и домой ворочайся!

Кащей кивнул. Быстро осушил кружку и вернул ее домовихе, после чего уточнил, запустив руку в просторный карман своего одеяния:

– И как быстро подействует?

– Домой добраться не успеешь, – хихикнула домовиха. – Ты леском иди. Ага, значит. Не пужайся, когда чуток прихватит живот. Оно быстро выйдет.

– Благодарствую, Маруся Игнатьевна, и вы, Василисушка, – он достал кошель старого образца, ну тугой такой, затянутый на веревочку, раскрыл, поинтересовавшись: – Сколь-

ко с меня за доброту вашу?

Я промолчала. Да и что бы я сказала? Цен не знаю. И варила зелье не я. Значит, Марусе и спрос вести.

– Два медяка за травы и серебрушку за работу, – с важным видом произнесла домовиха.

Кашей, вот уж щедрый парень, выудил золотой и протянул Марусе. Видимо, плата была более чем достойная, так как моя, так называемая, кошка, замурчала от радости, забыв, что она сейчас домовиха.

– А это вам, красавица. От меня. Бонус! – Кашей достал из того же кошелька какие-то бумажки. Протянул мне.

Первой мыслью было, откуда бессмертный знает слово «бонус», второй: «Ура! Баксы!», но я ошиблась.

Да, бумажки были немного похожи на валюту, но на деле оказались тремя пригласительными билетами на летнюю олимпиаду между командами нечисти.

Я приняла, поблагодарила.

– Надеюсь, придете поддержать! – он поднялся с дивана и даже, о дела! – подмигнул мне. – Это вам с Марусей. Ну и пригласить кого-то можете из друзей.

Я представила себе, как звоню Светке, моей закадычной подруге, которая не такая уж на деле и подруга, и говорю: «Слышь, Светуль, не хочешь со мной на олимпиаду нечисти, а? Сам Кашей Бессмертный пригласил!».

Подумала и выдохнула. Нет. Да и не уверена, что сама пойду.

– Спасибо вам за... – Кащей хотел сказать как минимум пылкую речь – это было видно по его глазам, да тут схватился за живот и вытаращился на нас круглыми, словно у филина, глазами.

– Скоро начнется, – предупредила нечисть домовиха. – Ступай. Да помни про лесок!

– Ох, – только и проговорил парень и был таков. Лишь дверь входная хлопнула.

– Убег! – констатировала Маруся. – Ну, – она протянула мне деньги, – владей, хозяйюшка.

Приняв золотой, чисто с целью полюбоваться на денежку, спросила, интересуясь больше судьбинушкой Кащея:

– Успеет хоть?

– Канешна! – кивнула Маруся.

– Может, надо было его к нам пустить? – уточнила я.

– Вот уж нет! Этак нам потом и золотого не хватит, канализацию прочистить, – серьезно ответила моя помощница. А я повертела в руках монету. Интересную, кстати. Тяжелую. Сразу понятно – золото, а не какой-то там дешевый сплав. Да, такую если сдать коллекционеру, то можно прилично заработать. Но для этого надо в город. А я пока привязана к дому. Разве что до соседней деревни могу добраться без головной боли и прочих неприятных последствий. Только сильно сомневаюсь, что там есть ломбард, или оценщик древностей.

– Держи, Марусь. Твоя будет награда. Ты же все готовила и варила, – решила я и вернула домовихе денежку.

– Моя? – она даже брови приподняла. Явно удивилась. Видимо, баба Сима Марусю не сильно баловала. Или просто деньги ей не давала никогда?

– Твоя.

– Ну... – она помялась, а потом проворно сунула Кашееву плату в передник. – Благодарствую, хозяйюшка! А теперича спать пойдем. Завтра утром, как просохнет роса, в лес соберемся. Буду учить тебя травки распознавать.

Тут я даже удивилась. В лес, да после Кашеевой пробежки, как-то совсем не тянуло. Домовиха по моему взгляду все поняла и рассмеялась.

– Не, Вась, мы пойдем в другое место. Не бойсь. Не найдем «жабий камень».

И мы, переглянувшись, вдруг вместе рассмеялись. А потом, успокоившись, разошлись досыпать и досматривать сны. Так как утро обещало быть не менее интересным.

Глава 6.

Утро началось с завтрака и звонка родителям. Да, каюсь. Давно пора было это сделать. Отзвониться и сказать, что все хорошо. Как оказалось, на телефоне было несколько пропущенных звонков. То ли я не услышала, то ли связь здесь, в Ложечках, оставляла желать лучшего. Так или иначе, но голос мамы на другом конце телефона, зазвучал сначала с явным облегчением, а потом с укором.

Да. Виновата. Каюсь. Со всеми этими приятностями, обрушившимися на мою голову, совсем забыла о семье. Так что почти десять минут слушала нравоучения и рассказ о том, что папа уже собирался звонить в полицию, если я не объявлюсь в течение дня.

– Мам, да тут связь просто кошмар! – рассказала я и чуть погодя, смирившись, мама порадовала новостью – приходил Ден, искал меня, хотел поговорить.

– Ну я ему сказала все так, как ты велела, – проговорила мама, она же Ольга Федоровна в миру. – Но знаешь что, Лисса!

– Ммм? – протянула я, стараясь, чтоб мычание прозвучало как можно равнодушнее.

– Мне кажется, он всерьез раскаялся и хочет наладить ваши отношения.

Так или иначе, услышать о таком было приятно. Но я за-

верила маму, что в ближайшее время у меня будет много дел и в город возвращаться не собираюсь. Это ее удивило. Видимо, не вязались в матушкиной голове образ дочери и деревни, ну или наоборот.

В общем, миссию свою по успокоению нервов, как родителей, так и собственных, я выполнила, а потому, с легким сердцем могла жить еще как минимум неделю в покое и умиротворении. Хотя, откуда покой в Ложечках? Это я зря. За все время, что пробыла в деревне, со мной успело столько всего случиться, что жизнь спокойной не назовешь даже с натяжкой.

– Ну вот! – уже после завтрака проговорила Маруся. – Бум собираться в лес, по травушки.

Дохлебывая чай, я покосилась на домовиху.

– Что? – уточнила.

– Я жеж вчера обещалась тебе, што в лесок пойдем. Пора ужо травки учить начинать. Раз Кашеюшка проведаль, шо ведьма новая объявиласи, так значит, можно ждать гостей, – Маруся спрыгнула с табурета, обернулась вокруг себя и на ее голове появился темный платок, а платье стало домотканым. На ногах у моей хозяйюшки возникли лапти. Самые натуральные, плетеные, все как положено. А в руке корзина из ивовых прутьев.

– Это ты шустро, – кивнула я. – Мне бы так, раз и переоделась!

– Дык, учись! – улыбнулась домовиха. – Глядишь и тоже

смогёшь этак. Оно дело несложное. Просто знать надобно.

– Ага! – кивнула я и встав из-за стола, поплелась в свою комнату.

Натянув удобные джинсы и просторную футболку, надела кроссы. За плечи бросила тряпичный рюкзак, еще успев подумать о том, что брать не хотела, а он взял, да пригодился. Когда вышла, Маруся стояла на месте, а вот стол, за которым мы завтракали, оказался чист и убран. И даже скатерка на нем была свежая, белоснежная, даже на взгляд, хрустевшая крахмалом.

Уже почти не удивляясь ловкости Маруси, с готовностью произнесла:

– Ну, идем!

– Идем, – повторила домовиха и направилась к двери. На пороге она замерла. Прежде чем открыть дверь, протянула мне корзинку, сообщив:

– До околицы донеси, ага, Вась? – а затем ударилась оземь, ну чисто, как в сказках пишут. Я даже вскрикнула, думала, Маруся подскользнулась и упала, но нет. Вместо моей помощницы на лапы поднялась крупная черная кошка.

Сверкнув желтыми глазами, она произнесла тягучее: «Маяяуу!» – и одним прыжком преодолев ступени крыльца, опустилась на землю на все четыре конечности.

– Ну да, – пробормотала я, следуя за ней. На миг пришлось задержаться, пока дверь запирала. Уже на ступенях бросила невольный взгляд на соседский дом и запнулась, услышав

стук топора. А затем увидела и самого колдуна, который, раздевшись по пояс колот на дворе дрова.

– Ох, ты ж! – вырвалось невольное.

Маруся проворно потрусила вперед. С ловкостью, присущей только кошкам, перемахнула через невысокий забор и очутилась на дороге. Я вышла как положено, через калитку. И снова не удержавшись, посмотрела на дом соседа, или, если быть более точной, на него самого.

Добрыня выглядел очень аппетитно вот так, обнаженный по пояс, с топором в руке. Признаюсь, когда Волков вот так молчал и работал...он мне начинал нравиться.

Переглянувшись с кошкой, вдруг поняла, что она все заметила и улыбается, так, как это умеют делать только кошки. И все же, не удержалась, чтобы не бросить еще один беглый взгляд на соседа. Оценить его сильные руки и гладкую и очень широкую грудь. А как ходили мышцы, когда мужчина с силой опускал топор на полено. Дерево жалобно трещало, раскалывалось на две части. Добрыня ставил на колоду половинку и ударял снова, а затем отбрасывал половинки в сторону, на уже приличных размеров горку. Ну честное слово, Челентано и его Илия просто отдыхали на фоне этого богатыря! Ни в какое сравнение не шли!

«А зачем ему дрова летом?» – вдруг мелькнула мысль, когда Волков вдруг поднял взгляд и, лениво смахнув с лица упавшую длинную прядь волос, произнес:

– Это ты Кашея отравила?

– Что? – я даже опешила от такой наглости и, признаюсь, не сразу поняла, что мужчина имел ввиду. А еще было неловко, что он поймал меня на подглядывании. И почему мимо не прошла, спрашивается?

– Видел я, как он ночью из твоего дома пулей вылетел, словно за ним черти гнались! – Добрыня одним резким взмахом вогнал топор в колоду и подошел к забору. Так что теперь мы стояли друг против друга и между нами была стена не только из непонимания, но и чего-то еще. В тот момент я остро ощутила, что почему-то не нравлюсь Волкову. А понять причину никак не могла. Причем, он отнесся ко мне с подозрением сразу после нашей первой встречи. Нет, он не был настроен враждебно и даже помог мне, это нельзя не признать. Но все равно, было что-то этакое, что стояло между нами.

– Эй! – не удержалась от незаслуженного обвинения. – Мы его лечили!

Он даже улыбнулся.

– Лечили?

– Не я, а Маруся! – поспешила добавить. – Я пока только учусь, сам понимаешь.

– Лечили, значит! То-то он так быстро ноги сделал, – Добрыня скрестил руки на груди. И только теперь я поняла, что он попросту издевается. Шутит, так сказать, в своей колдовской манере.

– Да ну тебя! – фыркнула и развернувшись, скомандовала

кошке: – Идем в лес, травки учить.

Маруся муркнула, фыркнула, подмигнула Волкову! Да, да! Подмигнула! И, проворно прыгнув с каменного забора, побежала по дороге не в сторону центра Ложечек, а в противоположную, в лесок. Я с самым гордым видом прижала к груди корзинку и пошла следом, прямая, словно натянутая струна. И клянусь, почти физически чувствовала на себе взгляд колдуна и его насмешку.

Не проникся он моей гордой позой. Ну и пусть!

Маруся бежала по изрытой колесами дороге, а я спешила за ней. Уже за первым поворотом, едва вошли в лес, ослабленно выдохнула и опустила руку с корзиной.

– Не спеши так, Марусь! – попросила кошку. Та остановилась, затем обернулась и муркнула, а потом свернула с дороги на узкую тропку, едва различимую в высокой траве. Я, естественно, поспешила за ней.

Лес здесь был редкий. Но воздух пах так, что голова кругом шла от запаха травы и цветов, потревоженных нашими ногами. А еще пахло хвоей и землей. Ароматы, напрочь отсутствующие в городе, где самым сладким является запах мокрого асфальта после ливня. Именно ливня, а не дождичка. Потому как потоки воды смывают всю грязь и вонь города. Это понимаешь, только когда окажешься в месте, подобном этому.

Вдыхая полной грудью воздух, следила за торчавшим из травы хвостом своей спутницы, стараясь при этом не поте-

рять ее из виду. Мы уже свернули с тропки и шли напрямиком через лес.

Пока я чувствовала себя нормально. Ни головной боли, ни тошноты, что не могло не радовать. А кошка знай себе бежит вперед и только хвост трубой, словно ориентир.

Вот лесные звуки, полные птичьего говора, разбавила журчащая вода. Где-то был родник.

Я прислушалась. Действительно. Журчало весело и хрустально. Даже я бы сказала, вкусно. Именно тогда, когда мы услышали голос воды, домовиха и приняла свой обычный облик, в котором ходила по дому.

– Туточки никого нет, – обрадовала она меня подходя и забирая корзинку. – Идем, Василисушка. Покажу озерцо и травы какие нужные у воды растут. Тока меня держись, покаместь с местными не познакомилась.

– С местными? – уточнила я.

Домовиха кивнула. Поправила рукой платок на голове и бодро зашагала вперед.

На смену траве пришла прошлогодняя хвоя и сухие листья, хрустевший под кроссовками. Ручей показался первым. Он тек серебристой нитью среди камней и трав. И несколько минут мы шли вдоль его звенящего русла, пока не вышли к обещанному озеру.

Честное слово, я себе представляла голубую заводь с кувшинками, цветущими на гладкой, словно зеркало, поверхности, отражавшей белоснежные облака. На деле это оказа-

лось небольшое озерцо с мутной зеленоватой водой и ивами, склонившими свои ветки и купавшими молодые лисья. Были здесь и камыш, шуршавший на ветру, и спуск, изрытый следами зверья. Романтики ноль. И даже минус.

– Вот, значит, наше озеро! – сказала Маруся, уперев левую руку в бок. На правой висела пустая, пока еще, корзина. «Болотце!» – мысленно поправила домовиху. Потому как иначе назвать эту муть язык не поворачивался.

– Ты к воде покамест не ходи, – предупредила меня Маруся. – И меня держись. Сперва наперво я тебя с обитателями озера познакомлю. Шобы знали, кто ты такая. А то они, знаешь, себе на уме, как и всякие водяные!

Мне бы не стоило удивляться, но брови сами поползли вверх.

Это я что, сейчас увижу русалок и водяного?

Даже пятки зачесались от предвкушения.

Маруся тем временем подошла к воде. Спустилась к самой кромке, наклонилась, легко коснулась раскрытой ладонью глади.

– Не вражиной пришли, а с миром и добром. Не ругаться, а говорить, – и подняв ладонь, перевернула ее и дунула на влагу, оставшуюся на коже.

У меня даже глаза вытаращились, когда влага поднялась и, превратившись в синее сверкающее нечто, похожее на пыльцу, полетела, гонимая ветром, и рассыпалась над водой, в самом центре озерца. Прошла секунда-другая, и вдруг

гладь озера, там, где упала пыльца, забурлила, будто в ее глубине пробудился гейзер. Выплеснулась китовой струей и на поверхность выплыла голова, зеленая, с кожей, покрытой бородавками и чешуйками. Два больших рыбьих глаза уставились в нашу сторону. Позади головы всплыло еще две макушки. Одна с синими волосами, другая с зелеными, цвета темной листвы.

– Это еще кто? – проговорила я и попятилась назад.

– Шшш, – приложила к губам палец моя спутница.

Головы поднялись выше, и теперь я могла наблюдать толстую жабу и ее, или его, свиту. А вот свита была очень даже ничего, если закрыть глаза на жуткую кожу девушек, отличавшую желтизной.

«Водяной и русалки!» – поняла я и подошла ближе к домовихе. Наклонилась, заметив, что Маруся повернула голову, явно желая что-то мне сказать. И не ошиблась.

– Это Роман, наш местный водяной. И его супружницы, Мариша и Алла, – тихо шепнула информацию домовиха.

– Роман? – уточнила я шепотом.

– Он сябе новое имя взял. Ужо старый, может и пошалить, – улыбнулась Маруся. – А прежде звался Богуславом.

– А жены его? – я поглядела, как три головы медленно гребут к берегу. Рук было не видно и казалось, их несет течение. Впрочем, может, они ушами подгребали? От такой мысли внутри, подобно икоте, родился смешок. Но я его доблестно удержала.

– Женки новые. Утопленницы, знаешь ли, – проговорила домовиха.

Больше поговорить не удалось, так как троица оказалась у берега. Впрочем, выходить они не спешили. Выглянули по пояс, да так, что я смогла разглядеть чешуйки, уходившие в мусть озера. Видимо, под толщей воды прятались хвосты.

Роман оказался жутким и толстым. Чисто жаба и глаза такие, что оторопь берет. А девушки, если не обращать внимания на трупный цвет их кожи, были очень даже ничего. Особенно синевололая.

– Приветствую хозяина озера! – поклонилась Маруся.

Я кивнула, не отрывая взгляда от жабьих глаз Ромочки. Тот тоже пялился с интересом. Когда он открыл рот, в свете дня блеснули мелкие и очень острые зубы. Ну пиранья, не иначе!

– Приветствую тебя, ведьма! – обратился сразу ко мне водяной. Слова было едва разобрать. Голос у Ромочки был как булькающая в канализации водица. Ишь ты! Понял, кто перед ним. Наверное, почувствовал мою силу.

– Просим разрешения собирать травы у твоего озера и ручья, – не обращая внимания на то, что на нее и не смотрят, продолжила домовиха. – Взамен обещаемся лечить и подсобить чем сможем, Роман.

– Договор такой же, как и с Серафимой? – уточнил водяной и, наконец, соизволил взглянуть на Марусю.

– Да, – кивнула она.

Утопленницы-русалки рассматривали меня с интересом, но молчали. Я же пыталась угадать, какая из них Мариша, а кто Алла. Судя по именам, они вполне могли быть из моего века.

Что и говорить, вкус у товарища водяного был неплохой. Сразу двоих к тому же себе отхватил. Обе девушки явно утонули молодыми. Обе были красивыми даже сейчас. Только глаза у жен отливали болотной зеленью и казались пустыми.

– Хорошо, – побулькал водяной и снова уставился на меня, а потом и вовсе лапу протянул. Рука у него была тонкая, зеленая с пупырышками. А между пальцев перепонки и за ушами, как оказалось, тоже.

– Вась! – толкнула меня по коленке Маруся. – Пожми руку Роману! – шепнула быстро.

Ой как мне не хотелось этого делать. Но домовиха дурного не посоветует. А потому пришлось, внутренне морщась от отвращения, коснуться скользкой конечности водяного.

Тонкие пальчики обхватили мою ладонь с неожиданной силой. Признаться, в тот момент даже струхнула. Мелькнула мысль, что сейчас этот жирдяй дернет меня под воду, поддержит там минут пять и будет у него на одну супруженицу больше. Но нет. Руку мою встряхнули. Между нашими пальцами вспыхнул голубой огонек, а потом Роман отпустил меня, и я шагнула, прячась за маленькую помощницу.

– Хорошо! Рад приветствовать новую ведьму в своих владениях! – пробулькал водяной, а затем опустился под воду

вместе со своими женами. И был таков, лишь рыбий хвост сверкнул чешуей.

– Марусь! – позвала я домовиху, едва троица исчезла из виду. – Я на что сейчас подписалась?

– Да ничяво такого, Вась. Водные обитатели тяпереча тебе чинить препятствий не станут. К воде можешь подходить без опаски. И водяные травки собирать. Нихто не утянет. А то Роман у нас падок на красивых баб.

– А я ему что должна буду? – уточнила. Конечно, стоило бы спросить до того, как пожимала перепончатую лапищу, но лучше, как говорится, позже, чем никогда.

– Дык, ничаво особенного. Лечить, коли прихворнет ентот пузырь.

– Будто я умею водяных лечить, – хмыкнула, но домовиха на это важно ответила:

– Научишьси, Васенька. Я же тут для чаво? А тяперича, давай, будем травки собирать вооон на том конце озера. Вишь, где камыш качается. Там травка есть особенная. Легонькая. Для начала самое оно.

Кивнув, пошла вдоль воды, следуя за своей помощницей. Понимая, как много мне еще предстоит узнать.

– А в лесу кто главный? – спросила тихо, пока притаптывали траву.

– Известно хто. Лесовик. Дед лесной. Ну с ним нам ишо предстоит познакомиться. Но не сегодня. Мы же далече в лес не зашли. А туточки его нетути. Да и без подарка к лесовику

соваться не стоит.

– Подарок? – переспросила.

– А то. Хлеб он любит. Я вот испяку и пойдем. Надо, чтобы ты и в лесу, при случае, ничяво не опасалась. А дед у нас тот исчо баловник. Заплутать может. Заведет в чащу и волков напустит. Он енто может.

– Волки! Чаща! – пробормотала я. – Боже, куда я попала! И как только обычно люди за грибами, ягодами в лес ходят и без подарков.

– Так-то простой люд. Что с него взять. – Удивилась Маруся. – А у тебя силушка. Дед почует.

Логика железная.

Я кивнула.

Вот мы и на краю озерца. Там, куда меня вела Маруся. Домовиха ловко скинула лапти и айда сарафан подвязывать.

– Разувайси, Вась! В воду полезем. Там травка, – сообщила мне Маруся.

Не капризничая, уселась на траву и принялась разуваться. Закатала джинсы, благо они были стрейчевые, до колен и встала, проявляя готовность следовать за своей помощницей в огонь и в воду. Ну это я так, утрирую. Пока только в воду и только по колено.

– Вот какая травка. Вишь, на дне колышется, – показала мне Маруся сорванный пучок чего-то длинного, зеленого, на вид склизкого, как рукопожатие Ромочки.

– Ламинария? – уточнила я, брякнув первое знакомое сло-

во, сочетавшееся в моей памяти с водорослями.

– Э? – не поняла Маруся.

– Трава, говорю, ламинария называется?

Домовиха рассмеялась.

– Нее, это русалочьи волосы, Вась! – сообщила она и вырвала еще пучок, который бросила на траву. – Бросай, после соберем в корзину.

– Хорошо. Волосы, так волосы, – констатировала я и, войдя в воду, наклонившись, вырвала первый пучок скользкой озерной травы.

Домой возвращались той же тропкой. Уже когда вышли на дорогу и вдаль показались крыши домов, моего и Добрыниного, вдруг поняла, что устала. Хотя прошли мы всего ничего, но в воде провели добрый час, лишь изредка выходя из мути, чтобы погреть ноги.

Хотелось вымыться и поесть. А потом Маруся обещала показать мне, что надо делать с этими водорослями.

Уже когда подходили к дому, и я даже представила себе, как открываю калитку, вдруг раздался звон, словно кто-то разбил окно.

Первым делом оглянулась на дом Добрыни. Признаюсь, сначала решила, что это у него что-то произошло, но окна в доме колдуна были целые и невредимые, а он сам выскочил на крыльцо и рванул в нашу сторону.

– Что.... – было проговорила я, но Волков пролетел ми-

мо, не открывая калитку, перемахнул через нее и побежал к дому.

Маруся, обратившаяся еще на дороге в кошку, бросилась следом за соседусшкой, а я только и успела, что проследить взглядом, как оба, и колдун, и кошка, застыли под домом запрокинув головы. Только сейчас я поняла, что произошло и откуда раздался звон.

Небольшое круглое окно чердака было разбито вдребезги, словно кто-то бросил в него камень.

Внутри что-то оборвалось. Странное ощущение недобро-го разлилось под кожей. Я бросилась к калитке, провозившись с крючком, как мне показалось, непростительно долго. Но вот уже и я бегу по дорожке прямо к крыльцу.

Взлетев по ступенькам, быстро открыла дверь. Корзину поставила на стол, а сама ринулась по лестнице на чердак.

Кошка побежала за мной, а вот Добрыня остался во дворе, явно кого-то карауля. И, как оказалось, он не ошибся.

Дернув дверь, вошла на чердак и застыла, заметив, какой бардак творится в прежде прибранном помещении. Единственное, что оказалось на своем месте, это магическая книга. Все остальное было разбито, сброшено с полки на пол, сорвано, рассыпано.

В разбитое окно тянуло сквозняком. Но не это заставило меня замереть на месте. А три вороны, черные, как сажа. Сидя на пустой полке, где еще недавно стояли банки с зельями, они остервенело клевали, рвали когтями мощных лап

дерево, на котором была нарисована яркая руна. Та самая, которую мы только вчера обнаружили с Марусей.

– Эй! – завопила я и бросилась на птиц.

Маруся, ошестинившись, первой запрыгнула на полку, вцепилась в хвост одной из ворон. Отчаянно мявкнула, но тут же была сброшена на пол двумя товарками птицы.

– Пошли вон! – я замахала руками, пытаюсь прогнать незваных гостей.

Как они тут оказались? И почему ковыряют этот знак? Определенно, что-то здесь было не то!

Настораживал еще тот факт, что вороны, как положено нормальным птицам, если они случайно залетели в дом, не испугались. Напротив. Одна яростно атаковала Марусю, вторая, зычно каркнув, метнулась ко мне, явно целясь когтями в лицо. А третья, насколько я успела разглядеть, когда увернулась от атаки пернатой дряни, продолжила упорно долбить клювом по стене.

– Пошли вон! – повторила, замахав руками, а затем резко присела. Ворона не отступилась, даже не подумала улететь или испугаться. Сделав круг над моей головой, она камнем бросилась вниз.

Я выставила над собой руки, вскрикнув от страха. Рядом Маруся, поймав свою вражину, телепала ее, ухватив за крыло. Домовиха в схватке оказалась проворнее меня. Ворона истошно орала и пыталась клюнуть Марусю в руку, стучала свободным крылом, рвала воздух лапами.

«Ну вот! — мелькнула мысль. — Щас получу клювом по темечку!».

Все это произошло так быстро, что я не успела отклониться. Но ворона не достигла своей цели. На чердак ворвался спаситель в лице соседки колдуна.

Вспыхнули яркие вспышки. Одна над моей головой, вторая рядом с Марусей, и птичий отряд отшвырнуло к стене. Волков бросился вперед, намереваясь ударить по третьей птице, но та оказалась умнее.

Каркнув, она оставила полку и несчастную стену, метнулась к разбитому стеклу в окне. За ней потянулись ее сотоварки. Маруся что-то яростно закричала им вослед и погрозила кулаком, а Добрыня, видимо, с целью придать скорости черным крыльям, подпалил огоньком зад самой последней вороны, не успевшей, к своему несчастью, вылететь из окна до того, как колдун явил мне магию.

Я так и осталась сидеть на попе на полу. Расширенными от удивления глазами глядя, как из ладоней колдуна вылетают огненные стрелы, или что-то подобное. Слишком быстро он проделывал это фокус, толком не разглядеть. Просто перед глазами полыхнуло, мелькнуло огнем, и ворона жалобно каркнула, махнув занявшимся пламенем хвостовым оперением.

Несколько секунд мы все стояли, застыв на месте. Маруся тяжело дышала, хмуря брови. Добрыня опустил взгляд и, наклонившись ко мне, предложил руку.

– И что все это было? – спросила я, гордо отказавшись от широкой ладони колдуна. Встала, отряхнув зад, и посмотрела сначала на разбитое окно, потом на домовиху и, уже в заключение, на спасителя юных дев, бородача Добрынюшку.

– Ишь, пакостницы! – буркнула Маруся, нарушая тишину. – Окно разбили, намусорили! Ох, – она обхватила ладонями свои щеки и закачала головой, глядя на беспорядок, устроенный птицами.

– Они что-то искали? – уточнил Волков.

– Думаю, они искали это, – я кивнула на знак на стене.

Добрыня нахмурился. Подошел к полке и посмотрел на руну.

– Мертвый язык, – огласил то, что я уже знала и без его слов.

– Прочитать можешь? – спросила с надеждой.

– Это не слово, – пояснил он мне мягко, словно маленькой. – Это знак. Руны не всегда означают слова.

– А если проще? – уточнила, опасаясь, что сейчас услышу лекцию по мертвому языку, который, к слову, так и не стал мне доступен.

– А ты шож, исче не понимаешь яво? – оглянулась на меня домовиха. – Подвело зельюшко?

– Нет, не понимаю, – призналась с разочарованием. Подошла ближе, оттеснив колдуна, и посмотрела на знак. Прежде не рассматривала его так пристально. Даже когда обнаружила. Ну знак и знак. Мало ли что старая Сима могла рисовать

в своем доме на стене. Но внутри что-то потянуло коснуться. Как тогда, с книгой.

Не отдавая себе отчет в том, что делаю, подняла руку и коснулась указательным пальцем к поверхности стены, провела по узору, повторяя его, словно рисуя. И что-то вдруг произошло. Мир вокруг поплыл, а узор вдруг вспыхнул огнем, который не обжигал, но грел.

Я было отдернула руку, да какой там! Пальцы меня не слушались. Они, как заведенные, снова и снова обводили ру-ну. Вокруг застыло марево тьмы, и я не видела ничего. Только светящаяся руна и моя рука, палец, выводивший неведомый узор, который стал понятным. Просто вспыхнул в голове, как давно забытое и утерянное знание. Не мое. Чужое. Но такое яркое, словно являлось моим собственным.

Рисунок пришел в движение. Закружился, будто взбесившаяся стрелка циферблата и перед глазами мир померк, а я повалилась в темноту, успев лишь ощутить, что падаю не на пол, а в крепкие мужские руки.

Глава 7.

В себя пришла достаточно быстро. Потому как, открыв глаза, обнаружила, что на чердаке по-прежнему светло и царит все тот же бардак, учиненный птицами.

Устроилась я, к слову, вполне удобно. На руках у соседки-колдуна. Он, по всей видимости, присел прямо на пол, а Маруся, добрая душа, колдовала вокруг меня, прикладывая к моему носу какую-то вонючую травку.

– Очнуласи! – заметив, что я открыла глаза, домовиха радостно улыбнулась.

– Чем меня шарахнуло на этот раз, что я снова отключилась? – уточнила я скупое, вспомнив, что в первый раз, получая бабкину силушку, тоже повалилась на пол без чувств. Этак я и привыкнуть могу, только вот не хочется повторения подобных полетов во сне и наяву.

– Кажись, зельюшко подействовало. Видимо, оно с руной связано было! – заявила счастливо домовиха.

– Ну и дела, – я попыталась сесть. Дернулась и Добрыня отпустил меня. Сам поднялся на ноги, отряхивая джинсы.

– То меня книга царапает до крови, то дар швыряет по чердаку, теперь еще и это, – подняв взгляд, устремила его на стену. По закону жанра, руна должна была исчезнуть, но нет. Мало того, что она не исчезла, так на ее месте проступили очертания квадрата, будто врезанного в стену.

– А это еще что? – проговорила тихо и встала, не отрывая взгляда от нового открытия.

Да там тайник, не меньше!

В голове мелькнул образ пухлой шкатулки, набитой золотом. Ой, то есть, золотом.

Ей-богу! Поживу так в Ложечках с пару месяцев и говорить стану, как Маруся! Нет, нет, нет! Нам такого не нать.

Ой...и опять вырвалось!

Представив себе колечки, перстеньки и бусы самоцветные, подошла к стене. Добрыня придвинулся следом.

– Эти вороны искали тайник, – проговорил он.

Я даже фыркнула.

– Тоже мне, открытие! – проговорила и оглянулась на мужчину. – Вы уже смотрели с Марусей, что там?

– Нет, – сухо ответил Волков.

– Разве ж то можно, без хозяйки глядеть? – удивилась искренне моя помощница.

– Значит, сейчас вместе и поглядим, – произнесла я и потянулась к схрону.

Думала, придется ковырять стену, так как ручки, или чего-то наподобие, чтобы уцепиться и открыть тайник, не обнаружила. Но все оказалось намного проще. Это же был мир магии. Так что хватило простого прикосновения руки к узору. И на этот раз обошлось без нирваны и кружения стрелок.

В стене что-то щелкнуло и квадрат врезанной дверки отошел в сторону, явив за собой темное нутро, заросшее густой

паутиной.

– Брр! – только и произнесла я. – Марусь! – позвала домовиху. – Есть что-нибудь длинное пауков погонять?

– Щас найдем, Вась! – отозвалась хозяйюшка, и несколько секунд спустя мне в руки вложили какую-то палку. Я ее и сунула внутрь. Как оказалось, не зря, потому что мгновение спустя из темноты и разорванной паутины вышмыгнул жирный паук, чем-то, кроме цвета, напоминавший водяного Ромку. Наверное, пучеглазым взглядом и жирной тушкой, не иначе.

– Давай я посвечу, – предложил за спиной Добрыня.

Идея мне понравилась. Я даже представила себе, как он сейчас поднимет руку, раскроет ладонь и призовет магическое пламя, а потом...

А потом усмехнулась, когда вместо магического пламени, Волков просто достал из кармана широкий смартфон и включив в нем фонарик, посветил в темноту тайника.

– Тоже вариант! – буркнула тихо и посмотрела в глубину открывшейся ниши.

Только фонарик не помог. Рваная паутина висела клочьями и никакой шкатулки со златом-серебром не наблюдалось.

– Что, пусто? – я даже расстроилась. Нет, ну кто станет хранить пустой тайник. – Это я что, зазря пауков потревожила?

Волков пригнулся, посветил глубже и вдруг произнес:

– Нет. Там что-то есть. В самой глубине.

– Что? – не веря его словам, наклонилась так быстро, что мы с колдуном стукнулись головами. Он отпрянул нахмурившись. А я ловко отняла телефон и посветила сама, уже более уверенно и смело. И действительно. Там, за толщей паутины было что-то сверкающее, но совсем маленькое. Явно не мешок с добром. Эх. Что-то мне с наследством не везет.

– Чаво там? – Маруся даже приподнялась на носочки, но ее скромного роста, конечно же, не хватило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.